

Памяти Высокопреосвященнаго Николая, Архієпископа Японскаго.

(Къ годовщинѣ кончины его † 3 февраля 1912 г.).

I.

КОНЧИНА Высокопреосвященнаго Николая, Архієпископа Японскаго, была въ Россіи для многихъ большою неожиданностью: о болѣзни приснопамятнаго Архієпископа въ печати свѣдѣній почти не появлялось. Но печальная катастрофа казалась быстро надвигающеюся для тѣхъ, кто имѣлъ случай болѣе или менѣе часто быть въ общеніи съ покойнымъ Владыкою въ послѣдній годъ... Итакъ,—съ какаго времени началась болѣзнь Владыки, постепенно приведшая его къ могилѣ?

Разумѣется, точную дату сего печальнаго событія установить невозможно. Но съ точностью можно сказать, когда самъ Владыка узналъ о своей болѣзни. Такъ, еще 12 (25) декабря 1910 года вотъ что онъ писалъ въ своемъ дневникѣ: «опять усиливающаяся болѣзнь горла заставила позвать доктора Ясосима, который, выслушивая грудь мою, неожиданно заявилъ: «да у васъ сердце разстроено; надо принимать мѣры». *Что сердце у меня въ послѣдній годъ не въ порядкѣ, это я знаю давно.* Но теперь не до того, а хоть бы кашель поскорѣе остановить,—надоѣлъ смерть».

Ровно черезъ три дня тотъ же Ясосима прибылъ къ Владыкѣ съ врачомъ-спеціалистомъ. Это было 15 (28) декабря 1910 года. Кромѣ докторовъ въ комнату Владыки набилось народу нужнаго и ненужнаго множество. Не желая дополнять собою количество любопытныхъ, я предпочелъ послѣ отъ са-

мого Владыки услышать, что нашли доктора, или вѣрнѣе докторъ, ибо Ясосима, которому довѣрился Владыка, былъ лишь специалистомъ ушныхъ болѣзней. «Сердце слабовато. Но ничего особеннаго, для жизни опаснаго, нѣтъ»,—вотъ что мнѣ сказалъ Владыка. А въ своемъ дневникѣ записалъ слѣдующее: «Д-ръ Ясосима привелъ съ собою другого доктора, который внимательно осмотрѣлъ мою грудь, и сказалъ, что сердце далеко не въ порядкѣ; надо не ходить скоро, не брать горячей ванны, не употреблять ничего горячительнаго: перца, горчицы, вина,—что я и безъ того не дѣлаю, и проч. Буду все соблюдать, по возможности. *Ужели отъ сердца придется умереть? Я все думалъ, что у меня въ желудкѣ врагъ.* Впрочемъ, меня на томъ свѣтѣ давно ищутъ, и отъ какой бы ни было причины, а скоро придется отправиться».

Такъ записалъ Владыка подъ 15 (28) декабря... Дѣйствительно, послѣ сего онъ сталъ во время прогулокъ ходить тише. Слугѣ приказалъ готовить ванны «не столь горячія». Но такъ какъ термометра въ ваннѣ не было, а дотолѣ ванны готовились «по-японски», т. е. почти температуры банята, то и болѣе прохладныя ванны, вѣроятно, были такія, отъ которыхъ пришелъ бы въ ужасъ докторъ-европеецъ. Къ сожалѣнію, я не могъ въ началѣ болѣзни Высокопреосвященнаго Архіепископа Николая быть ему чѣмъ нибудь полезнымъ по той простой причинѣ, что съ 29 декабря 1910 года я уѣхалъ въ путешествіе по южнымъ церквамъ Японіи, изъ какового возвратился лишь чрезъ 100 дней, 8 апрѣля 1911 г. Владыка вообще не любилъ писать о своемъ нездоровьѣ. Однако, видимо его болѣзнь временами ухудшалась настолько, что онъ измѣнялъ себѣ и кой что о себѣ мнѣ писалъ. Такъ, 26 февраля (11 марта) онъ сообщаетъ мнѣ: «сегодня здѣсь какая халѣпа на дворѣ! Дождь со снѣгомъ, и снѣгъ съ дождемъ! Всю ночь тоже шелъ дождь, и не оттого ли мнѣ ночью было очень скверно. Не могъ спать ни на одномъ боку, ни на другомъ,—удушье; всю ночь просидѣлъ и проходилъ. Жду доктора. Д. б. грудная жаба, которая во всякую минуту можетъ задушить... Прескверное состояніе, когда чувствуешь, что дышать почти не чѣмъ; выходилъ наружу и открывалъ ротъ во всю ширину, глотая воздухъ до дна легкихъ, какъ рыба, которая задыхается въ водѣ, лишенной воздуха. Но, конечно, бороться съ болѣзnią буду всѣми средствами, какія даетъ медицина».

Объ этомъ приступѣ болѣзни отмѣтилъ почившій и въ

своёмъ дневникѣ, почти въ тѣхъ же выраженіяхъ, но съ нѣкоторыми подробностями:... «когда казалось, что въ комнатѣ не чѣмъ дышать, выходилъ наружу, гдѣ дышать было легче. Очень удивила эта, неиспытанная доселѣ болѣзнь, почему утромъ послалъ за докторомъ; онъ, по изслѣдованіи, сказалъ, что—*астма*, и не опасно для жизни; прописалъ лекарство»...

Конечно, затруднительно гадать, какія причины вызвали столь значительное ухудшеніе болѣзни. Но не даетъ ли отчасти отвѣтъ на это и самъ почившій?... Въ приведенномъ выше сообщеніи о своей болѣзни не проговорился ли онъ и о ближайшей причинѣ бывшаго припадка? Вотъ онъ нѣсколько ниже продолжаетъ мнѣ: «во всякомъ случаѣ вамъ полнымъ хозяиномъ придется быть скоро. На дняхъ получилъ телеграмму, что мой братъ померъ, а я на три года старше его. Пора и мнѣ, хотя очень хотѣлось бы докончить переводъ главныхъ богослужебныхъ книгъ; а о Ветх. Заветѣ, повидимому, надо перестать думать,—это будетъ вашъ трудъ»... А нѣсколько ниже, уже совсѣмъ въ грустномъ тонѣ продолжаетъ: «если еще вмѣстѣ проживемъ хоть бы и лѣтъ 5, я во всякомъ случаѣ буду блекнуть и опускаться, какъ вянущій листъ; и дѣло мое будетъ исключительно переводческое. А вы, возрастая изъ силы въ силу, будете возвращать Японскую церковь, ваше дѣло будетъ прогрессивно жизненное,—таковъ законъ природы. Во всемъ же да будетъ воля Божія, которой покорно будемъ подчиняться».

Итакъ смерть родного брата, протоіерея въ г. Сызрани, поставила предъ взоромъ Владыки ясныѣ, чѣмъ когда либо, вопросъ о возможной скорой смерти. Не боялся никогда почившій смерти. Но жить ему хотѣлось. И жить не для простаго прозябанія, а «для того, чтобы побольше перевести богослужебныхъ книгъ»... Впрочемъ, и въ этомъ вопросѣ онъ покорно отдавался волѣ Божіей. Даже больше: поскорбѣвъ мало, онъ видимо скоро опять пріобрѣталъ благодушіе, и о томъ же предметѣ могъ говорить въ тонѣ, не показывающемъ скорби: «итакъ, говорю, хозяйскій глазъ вездѣ. И дѣйствительно чувствуйте себя хозяиномъ. У васъ уже и право на то есть, «тегара» есть. На меня перестаньте взирать. Я отпѣтый. Братъ вотъ тоже былъ живъ до послѣдняго времени; послѣднимъ письмомъ убѣждалъ меня не выходить никуда на покой: «въ Японіи твой покой», писалъ; едва я успѣлъ отвѣ-

тить на это его утѣшеніе, какъ телеграмма: «переселился къ праотцамъ». А отчего? Съ прор. Давидомъ не счелъ дозволи- тельнымъ разногласить: уже за 70 было. У меня же: и сердце- біеніе, и астма и—главное 75 лѣтъ. Правда, Накаи увѣряетъ, что нашелъ подлинную рукопись Давида на Еврейскомъ, гдѣ не 70, а 100; но онъ еще не представилъ мнѣ доказательствъ, что это не апокрифъ. Итакъ, вы все больше и больше должны убѣждаться, что необходимо вамъ войти совсѣмъ во всѣ обя- занности и во всѣ чувства и сознаніе полного хозяина. Такъ и сдѣлайте».

Предъ праздникомъ Св. Пасхи, въ В. Пятокъ возвратился я въ Миссію. Прожилъ здѣсь 10 дней, до понедѣльника на Ооминой. Но особыхъ перемѣнъ въ покойномъ Архіепископѣ не нашелъ. Усердно онъ служилъ на Св. Пасхѣ. Христосо- вался до 6 час. утра съ христіанами въ первый день. Ѣздилъ съ визитами къ русскимъ резидентамъ Тоокѳо, Ёкохама. Въ среду на Пасхѣ даже совершилъ крещеніе у офицера Н. В. Осипова и послѣ сего—у него обѣдалъ. Словомъ, жизнь шла, какъ и въ прежніе годы, безъ перемѣнъ. Поэтому, совершенно успокоеннымъ поѣхалъ и я въ свое дальнѣйшее путешествіе, на этотъ разъ по 18 іюня, т. е. на два мѣсяца.

Мнѣ неизвѣстно съ точностью, въ чемъ проводилъ часы своего досуда покойный Владыка во время моего отсутствія изъ Тоокѳо послѣ Пасхи. Кажется, не боясь ошибиться, могу сказать, что онъ составлялъ опись церковныхъ вещей, доселѣ еще не занесенныхъ въ опись. А такъ какъ почившій Архіе- пископъ всегда все дѣлалъ *самъ*, не довѣряя никому, то ему пришлось самому вынимать изъ шкафовъ, и даже снимать со шкафовъ тяжелые ящики, ихъ раскрывать, содержимое выни- мать, переписывать. Потомъ, опять все складывать, и тяжелые ящики поднимать на свои мѣста. Результатъ этой работы ви- дѣнъ доселѣ каждому: на всѣхъ иконахъ, священныхъ сосу- дахъ, священныхъ облаченіяхъ,—словомъ на всѣхъ церков- ныхъ предметахъ или наклеены, или пришиты, или пришти- лены написанные собственноручно Архіепископомъ ярлычки, съ № по описи... А въ часы вечерніе Владыка составлялъ текстъ новой описи...

Но насколько блестящи были результаты его трудовъ для благоустройства соборной ризницы, настолько они были пе- чальны для его здоровья... Позволю опять привести по этому поводу его строчки изъ письма ко мнѣ отъ 22 мая (4 іюня)

1911 года: «ходить не могу, встать почти не могу,—только сидѣть и лежать могу. Занялся описью въ ризницѣ, и постоянное снованье по лѣстницамъ, нагибанье, подниманье нелегкихъ вещей растревожили мою поясницу [надломленную малость еще въ отрочествѣ несчастнымъ паденіемъ съ обледеившей лѣстницы, при чемъ поясницей упалъ на ребро камня] до того, что вотъ вчера не могъ быть во Всенощной, сегодня не служу Литургію».

Весьма возможно, что Владыка растревожилъ и старинную болѣзнь, поскольку дѣло идетъ о поясницѣ. Но внѣ всякаго сомнѣнія, что снованье по лѣстницамъ, нагибанье, подниманье нелегкихъ вещей причинили ему зла больше, чѣмъ могли бы причинить запрещенные перецъ, горчица и проч. А запретить почившему работать, или по крайней мѣрѣ убѣдить его работать поменьше,—такой силы ни у кого не было...

Утомивъ себя на работѣ по составленію описи, Высокопреосвященный Николай окончательно переутомился во время іюльскаго очереднаго Собора и пріуроченнаго къ нему 50-наго юбилея прибытія его въ Японію. Не безъ тревоги всѣ, любившіе Владыку, ждали этого времени. Но вотъ начали съѣзжаться со всѣхъ концовъ Японіи іереи, катихизаторы... Ихъ только однихъ было свыше 120 человекъ... А поусердствовали и многіе провинціальныя христіане. И вотъ 75-тній старецъ ежедневно, съ ранняго утра до поздняго вечера, сидѣлъ въ своей комнатѣ и выслушивалъ доклады іереевъ о состояніи ихъ приходовъ, рассказы катихизаторовъ о проповѣди въ предѣлахъ ихъ вѣдѣнія; или любезно бесѣдовалъ съ какою-либо бабушкою, прибывшей изъ далекихъ краевъ... Начался Соборъ... А на немъ развѣ мало дѣла, волненій?... Празднованіе юбилея... Въ теченіе одного дня Литургія, молебенъ, обѣдъ въ Отелѣ съ почетными гостями, музыкальный вечеръ. Этимъ мы, молодые, закончили... Но 75-тній старецъ былъ приглашенъ на собраніе бывшихъ воспитанницъ Суругадайской школы... И пошелъ. И не столько слушалъ, сколько говорилъ и поучалъ... Нужно было удивляться тому, какъ могъ вынести Владыка такой день...

А и «завтра» не обѣщало отдыха... Долгое, часа на 4, чтеніе адресовъ. А вечеромъ обѣдъ на миссійскомъ дворѣ, съ сотнями христіанъ... Но мнѣ кажется, и этотъ день прошелъ бы для почившаго сравнительно благополучно, если бы не заключительный моментъ... Воодушевленный рѣчами, Владыка

всталъ, съ необыкновенной энергіей какъ то вздернулъ головой, и голосомъ, котораго достало на всю широкую площадь, занятую обѣдавшими сотнями христіанъ, предложилъ спѣть «Кими га ё» (японскій гимнъ) въ честь Его Величества, Императора Японіи, благодаря религиозной терпимости котораго христіанство получило возможность не только распространяться, но и пользоваться если не покровительствомъ, то во всякомъ случаѣ полнымъ благополучіемъ... Нужно было видѣть необыкновенное возбужденіе Владыки, его покрытое румянцемъ лице... Нужно было слышать, какъ Владыка не только запѣлъ первый гимнъ, но и пѣлъ его до конца... Нужно было видѣть этотъ молодой огонь въ столь немолодомъ уже организмѣ... И тогда ясно было бы каждому, что сей моментъ не могъ для разстроеннаго сердца Владыки пройти безслѣдно... И результаты не замедлили сказаться.

Кончился Соборъ... Развѣхались іереи и катихизаторы по своимъ мѣстамъ. Владыка остался одинъ... Послѣ бывшаго возбужденія реакція наступила быстро. И вотъ, уже 14 (27) іюля онъ заноситъ въ свой дневникъ: «прохворалъ весь день, и почти ничего добраго не сдѣлалъ. Докторъ осмотрѣлъ, и далъ два лекарства отъ простуды и астмы». Не улучшилось положеніе Владыки и на слѣдующій день: «былъ болѣнъ и лѣнивъ весь день. Читалъ «Труды и жизнь Погодина»—больше ни къ чему не могъ принудить себя»... Не принесъ улучшения и третій день: «тоже цѣлый день былъ болѣнъ и лѣнивъ»,—продолжаетъ отмѣчать въ дневникахъ почившій Архіепископъ.

«Лѣнивъ... Лѣнивъ»...—пишетъ Владыка. Вѣроятно ему такъ казалось, и искренне казалось... На самомъ же дѣлѣ онъ такъ усталъ и ослабѣлъ, что ничего не могъ дѣлать. Въ этомъ онъ и самъ признается на четвертый день болѣзни: «17 (30) іюля 1911. Воскресенье. Едва отслужилъ обѣдню,—ослабѣлъ»... «Тоже болѣнъ и слабъ»,—читаемъ и на слѣдующій день...

Итакъ, вотъ результаты трудовъ въ ризницѣ, хлопотъ во время Собора и безпокойствъ во время юбилейныхъ торжествъ... Владыка нашъ не только заболѣлъ, но и ослабѣлъ...

Эта его слабость, его усталый видъ невольно бросались въ глаза всякому постороннему челоуѣку... И не любилъ сего, болѣе,—терпѣть не могъ сего покойный Владыка... Даже простая фраза вѣжливости: «какъ Ваше здоровье»,—его выво-

дила изъ себя... Ему казалось сразу же, что его считают больнымъ. И Боже упаси, бывало, спросить его: «не устали ли Вы, Владыко»... Владыка тогда гордо выпрямлялся и говорилъ: «50 лѣтъ работаль и не уставаль... Не устаю и теперь... Если дѣло есть,—позвольте: сейчасъ сдѣлаю... Если нѣтъ,—до свиданья»... Говорилъ такъ, самъ едва двигаясь, сильно волнуясь, и этимъ еще болѣе ослабляя себя... А послѣ приходитъ ко мнѣ и жалуется, что его такими вопросами обижаютъ: «еще погодите хоронить», — отвѣтилъ онъ въ одномъ случаѣ... Дѣлать нечего, — пришлось дать распоряженіе, что если кто будетъ спрашивать Владыку,—прежде всего направляли бы таковыхъ ко мнѣ [разумѣю посѣтителей русскихъ]. А я уже всѣхъ наставляль, чтобы не спрашивали Владыку не только о болѣзни и усталости, но и о здоровьѣ... И послѣ сего недоразумѣнія почти прекратились, и невольно обиженныхъ не было...

Не терпя рѣчей о болѣзни и усталости, самъ Владыка, впрочемъ, одному мнѣ, постоянно говорилъ не только о болѣзни, но и возможной смерти, и панихидахъ... И говорилъ такъ часто, и въ такихъ иногда формахъ, что нужно было имѣть съ одной стороны вполнѣ благодушный характеръ, съ другой—вполнѣ вѣрить въ искреннюю любовь ко мнѣ Владыки, чтобы на сіи разговоры не обижаться... Медленно поднимается Владыка по 22 ступенямъ въ мою квартиру... Тяжело дыша, но улыбаясь входитъ... Здоровается... «Погодите, дали отсрочку... Отложилъ умирать»,—заявляетъ съ первыхъ словъ... Но такіе разговоры еще пол-горя... Приходилось молча выслушивать и такіе: «скоро, скоро запоете панихиду... Не долго ждать»... Впрочемъ, не скрою, что все же я какъ-то разъ убѣдительно попросилъ Владыку не говорить такихъ словъ по крайней мѣрѣ при постороннихъ... Мысль о смерти, о панихидахъ какъ-то не оставляла Владыку въ теченіе лѣта, до моего отъѣзда въ путешествіе по церквамъ... Но это не значить, что онъ непременно при этомъ скорбѣлъ... Нѣтъ,—онъ даже въ этотъ періодъ слабости и болѣзней умѣлъ быть остроумно веселымъ: «Представляю себѣ... Входите въ мою квартиру... А я мертвый... Вы блѣднѣете... «Кавамура, воды»,—кричите... А послѣ, поуспокоившись: «Кавамура, свѣчей. Поемъ «Со святыми!»... А вотъ въ другомъ случаѣ почившій представляль, какъ я надъ нимъ буду говорить надгробное слово: «Братія и сестры. Смотрите: долго жилъ, а всетаки умеръ...

И почему умеръ? Потому, что былъ гнѣвливъ, торопливъ, удержу въ работѣ не зналъ... Такъ смотрите же,—будете ему подражать,—обязательно и вы умрете»,—все это говорилось съ такимъ благодушіемъ, что удивляться приходилось, какъ Владыка можетъ спокойно говорить о томъ предметѣ, о коемъ люди не привыкли и думать-то спокойно.

Однако, лѣто пролетѣло быстро, и въ десятихъ числахъ августа я снова уѣхалъ въ путешествіе, на этотъ разъ до декабря мѣсяца. Поѣхалъ сначала на Японскую часть Сахалина, а потомъ въ сѣверо-восточныя церкви... О дальнѣйшемъ ходѣ болѣзни Владыки, поэтому, могу говорить лишь на основаніи его замѣтокъ въ дневникѣ, отчасти — по письмамъ его ко мнѣ.

Мысль о возможной кончинѣ, видимо, не покидала Владыку по моемъ отъѣздѣ въ путешествіе. «Вашъ до «со святыми» Арх. Николай»,—такъ онъ подписался въ письмѣ ко мнѣ отъ 15 (28) августа 1911 года. Да несомнѣнно и болѣзни не покидали его, хотя въ августѣ и сентябрѣ онъ и не сдѣлалъ объ нихъ въ своемъ дневникѣ большихъ замѣтокъ. Но въ одномъ изъ писемъ ко мнѣ онъ не умолчалъ объ астмѣ и, по обычаю, въ шутливомъ тонѣ писалъ мнѣ 11 (24) сент.: «У меня астма раза два спрашивала: «а что, не отпѣтъ ли намъ со святыми»?.. Но я ей отвѣтилъ: «нельзя,—и Кавамура нѣтъ, уѣхалъ въ Осака чинить текущую крышу, и Преосвященнаго нѣтъ»,—она почесала въ затылкѣ, и успокоилась». Но ровно черезъ недѣлю, 18 сент. (1 окт.) въ дневникѣ уже читаемъ: «служить трудно. Поясница болитъ, слабость, усталость. Не дай Богъ, чтобъ сдѣлалось хуже». Къ сожалѣнію, Владыкѣ въ скоромъ времени сдѣлалось много хуже, и можно сказать, что весь русскій октябрь онъ промучился: астма то усиливалась, то ослабѣвала, но совсѣмъ его не покидала. Но пусть самъ Владыка намъ скажетъ о тяжеломъ октябрѣ... Числа буду приводить лишь по старому стилю...

1 окт. «Полночи не спалъ,—астма мучила, и потому съ трудомъ служилъ Литургію, ослабѣлъ».

3 окт. «Цѣлый день страдалъ астмою, и ничего серьезнаго не могъ дѣлать».

9 окт. «Съ трудомъ служилъ Литургію. Ослабѣлъ; астма мѣшаетъ спать».

12 окт. «Астма задавила; спать нисколько не могъ,—ослабѣлъ».

13 и 14 окт. «Тоже. Былъ докторъ Ясосима, и далъ лекарство, но плохо помогаетъ».

15 окт. «Прошлую ночь страдалъ, какъ никогда, и сидя ни минуты не могъ заснуть. Съ половины всенощной вызвалъ доктора Ясосима, осмотрѣлъ и запретилъ завтра служить и даже говорить, чтобъ успокоить горло».

16 окт. «Не служилъ, и въ церкви не былъ, а лежалъ и не говорилъ весь день; оттого астма успокоилась».

17 окт. «Ночь проспалъ спокойно, астмы не было; но слабость, едва хожу».

20 окт. «Слабость отъ астмы и малоспанья».

22 окт. «Страдалъ астмой весь день; но работалъ и въ церкви былъ».

23 окт. «Служилъ, но едва отслужилъ; и голосъ слабъ, и ходить несвободно. Вечеромъ особенно трудно было; но переводъ шель своимъ чередомъ».

24 окт. «Астма лучше»... И этотъ періодъ нѣкоего облегченія, кажется, продолжался до 3 (16) ноября.

Итакъ, вмѣсто случайныхъ припадковъ астмы, съ октября началось длительное ея теченіе.... И сказать правду,—не было условій, которыя астму задерживали бы. Наоборотъ, вся жизнь Владыки складывалась какъ бы нарочито къ усиленію болѣзни... Докторъ... Но его Владыка вызывалъ лишь въ крайнихъ случаяхъ. Да и специальность-то его была,—ушныя болѣзни... Но Владыка весьма довѣрился ему, какъ и Ясосима-буддистъ весьма уважалъ своего пациента. Докторскія предписанія... Извѣстный режимъ... Но все это исполнялось Владыкой постольку, поскольку не мѣшало «работѣ»... А разъ что-либо изъ предписаннаго режима не давало работать,—просто забывалось... Докторъ предписываетъ не служить, не говорить... Словомъ: предписываетъ почти абсолютный отдых... А чѣмъ отвѣчаетъ Владыка?.. «Астма на дняхъ чуть не задавила меня, три ночи не спалъ, и ослабѣлъ такъ, что въ прошлое Воскресенье служить не могъ,—едва ноги таскалъ. Теперь двѣ ночи поспалъ, и поправился. *Этой мерзавкѣ астмѣ мѣшать нашимъ занятіямъ съ Накаемъ мы не на волосъ не позволяемъ; сидя можно дѣло дѣлать, хотя и охая*... Такъ мнѣ писалъ покойный 19 окт. (1 нояб.). Удивительно ли послѣ этого, что болѣзнь его иногда дожимала такъ, что онъ находилъ возможнымъ въ письмѣ подписаться: «Я еще живъ, потому что не только васъ, но и Кавамура нѣтъ,—въ Хакодате уѣхалъ» (письмо отъ 11 (24) окт.).

Но недолго продолжалось нѣкое облегченіе болѣзни. Правда, 2 (15) ноября Высокопр. Николай въ шутовомъ тонѣ сообщаетъ мнѣ письмомъ: «Я отложилъ умирать,—потому—Кавамура безъ васъ не можетъ же пропѣть панихиды»... Но уже съ 3 (16) ноября болѣзнь возобновилась, и безъ сомнѣнія въ большей силѣ, чѣмъ въ октябрѣ: «Въ половинѣ 3-го часа ночи астма разбудила и не дала больше спать; *всталъ и занимался дѣлами.* Освоившись съ этой болѣзнью жить можно; *далъ бы Богъ подольше прожить, чтобы побольше перевести*»...

Съ этого дня начались опять грустные отмѣтки о болѣзни Владыки въ его дневникѣ...

6 нояб. «Служилъ Литургію съ трудомъ. Послѣ цѣлый день былъ болѣнъ».

7 нояб.: «Удушье мучило весь день».

11 нояб.: «Опять астма».

12 нояб.: «Нисколько не заснулъ ночью, оттого слабость».

13 нояб.: «Ночь не спалъ. Литургію не служилъ, и въ церкви не былъ. Цѣлый день страдалъ удушьемъ. Вечеромъ работалъ».

14 нояб.: «Опять ночь не спалъ, и весь день страдалъ. Впрочемъ переводомъ занимался».

17 нояб.: «Ночью 4 часа спалъ сидя, оттого день былъ сносный».

18 нояб.: «Астма слабѣе. Послѣ ванной ночь проспалъ».

19 нояб.: «Вялость отъ астмы; письма писать не могъ. За всенощной былъ, и къ службѣ готовился».

20 нояб.: «Служить Литургіи не могъ; цѣлый день астма ужасно мучила».

21 нояб.: «Съ трудомъ отслужилъ Литургію».

25 ноября: «Астма хуже и хуже; ослабѣлъ, едва хожу».

26 нояб.: «Усиленіе астмы заставило послать за докторомъ Ясосима.—«А что, докторъ, не посоветуете ли написать завѣщаніе»? спрашиваю.—«Отъ астмы рѣдко кто умираетъ; ваша астма не опасна. Но завѣщаніе отчего не написать. Я мо-
ложу васъ, но завѣщаніе и у меня написано»...

27 нояб.: «Въ церкви былъ. Цѣлый день мучила астма».

28 нояб.: «Здоровье нѣсколько лучше»...

Таковы записи самого Владыки о состояніи его здоровья въ ноябрѣ. Чувствуется, что болѣзнь не покидала его весь мѣсяцъ. Вѣроятно, не желая меня беспокоить во время путешествія, Владыка мало мнѣ писалъ о своей болѣзни въ по-

ябрь. Лишь послѣ начала болѣзни 3 ноября, онъ подписался мнѣ въ письмѣ: »весь вашъ, еще живой, слуга и богомолецъ А. Ник.». Затѣмъ 15 (28) ноября онъ сообщилъ мнѣ: «Здѣсь все благополучно. Только астма по временамъ весьма забиваетъ меня. Прошлое воскресенье служить не могъ, не смотря на то, что съ вечера готовился. Какъ ночь не поспишь (да еще подрядъ три ночи), такъ сильно ослабѣваешь. Переводъ, впрочемъ, идетъ безъ малѣйшаго ущерба»... Пишетъ мнѣ Владыка и утромъ 21 ноября: «Иду обѣдню служить, а вчера не могъ,—астма цѣлый день несносно мучила. Васъ да хранить Богъ отъ всѣхъ подобныхъ дряней!»

Записи Владыки предъ глазами читателя... Съ одной стороны,—болѣзнь, усиливающаяся болѣзнь... Съ другой,—упорныя отмѣтки Владыки: «вечеромъ работаль... переводомъ занимался... переводъ идетъ безъ малѣйшаго ущерба»... Не легко было бы и опытному доктору успокоить все усиливавшуюся астму Владыки. И конечно, такая задача была совершенно не подъ силу специалисту ушному Ясосима.. Да и сего-то звалъ Владыка очень рѣдко...

Что чувствовали лица, окружавшія Владыку, можно судить хотя бы по такой сценкѣ... Уже въ началѣ декабря приѣзжаю въ Сендай, направляясь къ Тоокѳо. Для служенія со мной прибылъ столь часто упоминаемый Владыкою иподіаконъ Кавамура... «Ну, какъ здоровье Владыки»,—спрашиваю. Иподіаконъ Кавамура заплакалъ и отвѣтилъ мнѣ буквально такъ: «если днемъ даже раньше прибудете въ Тоокѳо, будетъ хорошо»... Опасное положеніе Владыки всѣ чувствовали. Но не могъ объ этомъ знать я... Замѣтки въ письмахъ столь угрожающими не казались. А въ Тоокѳо я могъ возвратиться лишь послѣ Николина дня.

Любопытно, что въ предпослѣднемъ письмѣ, писанномъ 2 (15) декабря Владыка какъ бы въ жизненное наставленіе мнѣ писалъ: «Берегите здоровье. Охъ, какъ надо беречь здоровье. Будете невнимательны къ своей *карада*, очень пожалѣете потомъ».

7 (20) декабря я возвратился въ Тоокѳо. Радость Владыки была большая. Но и я поуспокоился, ибо Владыка показался мнѣ далеко не столь слабымъ, чтобъ мое возвращеніе желательно было «хотя бы днемъ раньше». Однако, онъ съ удовольствіемъ согласился отдохнуть до Рождества Христова, предоставивъ мнѣ совершать всѣ имѣющія быть службы: обычно

мы чередовались съ нимъ въ своихъ служеніяхъ. Жизнь потекла попрежнему однообразно. Я приходилъ къ нему утромъ и, не рѣшаясь спросить о здоровьѣ, лишь освѣдомлялся, спалъ ли Владыка... Къ сожалѣнію, отвѣтъ былъ почти одинъ и тотъ же: «спалъ, но сидя», или: «спалъ, потому что принялъ усыпляющаго; но спалъ сидя». На койку Владыка почти пересталъ и ложиться, ибо его сразу же начинало душить... Но въ предъобѣденные часы онъ занимался, нисколько не измѣняя своему обычаю. Въ 12 час. дня поднимался ко мнѣ и ежедневно мы вмѣстѣ обѣдали... Что меня поразило, такъ его медленность въ приемѣ пищи... Бывало, пока я ѣлъ два блюда, онъ успѣвалъ съѣсть три. А теперь все ѣлъ какъ-то медленно; жаловался на отсутствіе аппетита; тѣмъ не менѣе съѣдалъ все, что подавали, постоянно шуточно замѣчая: «вотъ, и діаконъ Кугимія предъ смертію ѣлъ такъ же много, какъ я». Послѣ обѣда иногда Владыка пытался отдохнуть: «дополнить ночь», какъ онъ выражался... Въ пятомъ часу дня, при условіи ясной погоды, выходилъ-было сначала со мной на прогулку по миссійскому двору, но скоро докторъ это запретилъ: простудился какъ-то Владыка, о чемъ такъ занесъ въ свой дневникъ: «гулялъ на воздухѣ вмѣстѣ съ Пр. Сергіемъ, и опять, кажется, астму застудилъ, хотя и отличная погода была» (запись 14-го декабря). Послѣ сего Владыка окончательно закрылся въ своей квартирѣ, поручивъ мнѣ по возможности не пускать къ нему посѣтителей»: «говорите, что умираеть-де».

II.

Владыка Архіепископъ Николай, дѣйствительно, выдержалъ себя и до праздника Христова Рождества не служилъ. Вечеромъ подъ праздникъ на литію выходилъ я; но на величаніе вышелъ Владыка Архіепископъ со мной. Во время канона помазывать елеемъ богомольцевъ попросилъ меня, но и самъ не разоблачился, а лишь ушелъ въ алтарь. И не сидѣлъ во время канона, а все время простоялъ предъ Престоломъ при открытыхъ царскихъ дверяхъ. Въ самый день праздника Высокопр. Николай совершалъ Литургію въ сослуженіи со мной. Голось его былъ полный. Служилъ бодро. Не замѣтно было и признаковъ усталости... «Смотрю: идете предъ началомъ Литургіи къ каедрѣ... Черная борода... Полны силъ... А я уже побѣлѣлъ... Я уже ослабъ... Это два періода нашей церковной

исторіи, уходящій и надвигающійся... Ну, дай вамъ Богъ здѣсь прослужить не меньше, чѣмъ я»,—таковымъ пожеланіемъ напутствовалъ меня Владыка въ первый день Рождества...

Однако, не все было въ этотъ годъ такъ же, какъ въ предшествующіе... Вотъ кончается обѣдня... Владыка принимаетъ быстро поздравленія бывшихъ у Литургіи русскихъ и идетъ затѣмъ въ особую комнату, гдѣ собрались воспитанники и воспитанницы миссіонскихъ школъ. Поютъ тропарь, кондакъ празднику, произносится священникомъ эктенія... Учащіеся громко поздравляютъ Владыку... Все это было и нынче, какъ прежде... Но раньше Владыка непременно раздавалъ всѣмъ дѣтямъ на гостинцы, каждому отдѣльно, каждого благословляя... Нынче на это силъ уже не хватило... И онъ съ грустью далъ представителямъ той и другой школъ опредѣленную сумму. И воскресная школа... Сколько она доставляла радости Владыкѣ!.. Опять пѣніе... Опять поздравленіе... Потомъ раздача на гостинцы дѣтямъ «по числу годовъ ихъ»... Нынче Владыка лишь посидѣлъ въ комнатѣ... А раздать на гостинцы и дать всѣмъ по мандарину просилъ меня... Силъ было мало, хотя храбрости показывалъ много. И даже отправился на собраніе, устроенное въ небольшой комнатѣ въ честь воскресной школы... Посѣтителей было, кромѣ дѣтей, сотни двѣ. Дышать было нечѣмъ. Но почившій Святитель не только отсидѣлъ на собраніи до конца, но еще сказалъ дѣтямъ рѣчь, продолжавшуюся минутъ 15. Визиты русскихъ, членовъ посольства и резидентовъ Тоокёо и Ёкохама... А вечеромъ служба... И все это Владыка вынесъ, не показывая и вида, что ему нелегко... Или праздничное настроеніе заставило его забыть немощи?..

На второй день Рождества Христова Владыка, конечно, былъ у Литургіи. Послѣ нея принималъ поздравителей. А послѣ обѣда и самъ поѣхалъ съ визитами... Какъ ѣхать, чтобы не простудиться,—вотъ былъ вопросъ... Я убѣдилъ Владыку нанять карету на полдня, что стоитъ лишь 5 ень; между тѣмъ дзинрикиса за полдня съ насъ брали по 5 ень, правда, телѣжку тащили по два человѣка... Владыку убѣдили не слова мои, а практической расчетъ: будетъ вдвое дешевле... Сѣли въ карету... «Первый разъ въ Японіи ѣду въ каретѣ... Ну,—и стыдно же!.. Смотрите!.. Смотрите! Всѣ показываютъ пальцами и говорятъ: миссіонеръ ѣдетъ въ каретѣ... А премило ѣхать!.. Все равно, что въ комнатѣ сидишь»... Такъ шутилъ Владыка, когда мы ѣхали

въ посольство... Здѣсь посѣтили повѣреннаго въ дѣлахъ А. Н. Броневскаго, оставили карточки прочимъ, отсутствовавшимъ членамъ посольства, и поѣхали къ посольскому протоіерею о. П. І. Булгакову... Здѣсь Владыка любилъ бывать, конечно, въ праздники... Съ удовольствіемъ пріѣхалъ онъ сюда и нынче... Зашелъ въ столовую... Съѣлъ рождественскихъ яствъ нѣсколько... Выпилъ рюмку какого-то винограднаго вина... И на этомъ онъ пожелалъ кончить визиты... «Усталъ... Да извинять всѣ... Свезите вы мои визитныя карточки»,—просилъ Владыка... И я, отвезя Владыку домой, визиты продолжалъ одинъ...

На третій день Рождества Христова мы ежегодно съ Владыкой ѣздили къ русскимъ въ Ёкохама... Нынче онъ ѣхать отказался, и оставшись дома, съ секретаремъ перечитывалъ поздравительныя къ празднику письма изъ церквей.

Въ ночь на 28 декабря. астма у Владыки возобновилась: «ночь не спалъ, мучила астма. День вялый и бесполезный»,—записалъ онъ на отрывномъ календарѣ. Однако, вечеромъ въ Женской Школѣ была елка, которую вотъ уже въ 4 разъ устраиваетъ для обѣихъ нашихъ школъ посоль Н. А. Малевскій-Малевицъ... Нынче на елку, не смотря на отсутствіе устроителя ея, прибыло очень много русскихъ гостей,—16 человекъ... Владыка былъ необыкновенно этому радъ и, забывъ всѣ предостереженія доктора, много говорилъ съ гостями... Съ 6 час. до 8 ч. пробыли гости, и поспѣшили домой... Начальница школы отозвала меня въ сторону и просила какъ ниб. устроить, чтобы и Владыка, видимо очень утомленный, возвратился домой... Но какъ это устроить, когда Владыка ежегодно сидѣлъ на елкахъ до конца?.. Послѣ нѣкоторыхъ колебаній рѣшаюсь: «Владыка, не вернемся ли и мы домой»,—говорю... «Если наскучило, возвращайтесь. А я посижу до конца»... Итакъ, сорвалось... Начальница поняла результатъ безъ словъ... Елка продолжается... Воспитанницы какъ-то необычно спѣвать въ исполненіи номеровъ... Наконецъ, объявляютъ, что, въ виду сложныхъ приготовленій обстановки, придется подождать минутъ 10... Я пользуясь случаемъ еще разъ позвалъ Владыку домой: бесполезно. «И зачѣмъ я возвращусь?.. Чтобы скучать да охать... Все равно спать не смогу... А здѣсь хоть смотрю, да слушаю». Ровно въ 9 час. веч. Начальница объявила конецъ елки и попросила пѣть молитву... «Какъ, уже конецъ?.. Почему нынче такъ рано?»,—замѣтилъ

Владыка... Съ оханьемъ онъ возвращался домой и въ календарѣ занесъ: «Вечеръ. Елка въ Ж. III. Много русскихъ, гостей. Все очень красиво. А вернулся домой съ усиленной астмой»...

По моему глубокому убѣжденію этотъ вечеръ и былъ роковымъ, послѣ котораго болѣзнь все развивалась и развивалась, безъ малыхъ признаковъ уллучшенія... Да вотъ что самъ Владыка заносилъ на календарные листочки...

29 дек.: «Ночь ни лежа, ни сидя не спалъ, — ослабѣлъ. Ясосима позвалъ. На елкѣ въ Семинаріи не былъ. Ванна дрянная, чуть не простудился».

30 дек.: «Не спалъ и ночью нѣсколько писалъ дневникъ... Я немножко занялся росписками, потомуъ весь день лежалъ, или читалъ Барсукова»...

31 дек.: «Заснулъ до 2-хъ часовъ. Въ 3 ч. всталъ и писалъ дневникъ. Къ обѣднѣ не пошелъ и никуда не выходилъ. Но астма плоха. Цѣлый день работалъ по роспискамъ. Ко всенощной не пошелъ, — докторъ ведѣлъ не выходить на холодъ».

1 января 1912 года.: «Ни одинъ годъ не начинался такъ скверно, какъ нынѣшній. Въ церкви былъ, но не служилъ... По возвращеніи изъ церкви я никуда не выходилъ изъ теплой комнаты, и поздравителей не принималъ... Цѣлый день мучала астма»...

Если 28 числа декабря было для Владыки роковымъ, то выходъ его въ холодный соборъ въ день русскаго Новаго года, кажется, окончательно свалилъ его въ постель... И какъ я просилъ его не ходить! Вечеромъ удалось уговорить, и ко всенощной онъ не пришелъ... Но когда я пришелъ къ нему въ Новый Годъ утромъ, нашелъ Владыку крайне растроенымъ: «всѣ въ церкви... Одинъ я сижу дома... Скука смертная... Не могу выносить... Сегодня пойду въ церковь»,—говоритъ Владыка... Я начинаю уговаривать его... Ссылаюсь на запрещеніе доктора... Но послѣдняя ссылка, кажется, лишь испортила дѣло: «я свободный человекъ... Сдѣлаю какъ захочу... До свиданья»... Но мнѣ все еще хотѣлось вѣрить, что Владыка послушается голоса благоразумія... Однако, во время Малаго Входа дѣйствительно пришелъ и прошелъ въ алтарь... Стоялъ всю Литургію... Тяжело дышалъ и охалъ... А Литургія какъ нарочно была продолжительна, ибо было посвященіе корейца въ діаконы... Когда послѣ Литургіи я зашелъ поздравить Владыку съ Новымъ Годомъ,—онъ сидѣлъ на креслѣ,

протянувъ ноги на кровать и что-то просматривалъ: «гдѣ справедливость?.. Сходилъ помолиться, и страдаю, какъ никогда»,—говорить мнѣ Владыка... Чѣмъ мнѣ было утѣшать его?... Но я еще и еще просилъ Владыку быть къ докторскимъ совѣтамъ повнимательнѣе... Но продолжу замѣтки Владыки на календарѣ...

2 янв.: «Вотъ страдалъ-то прошлую ночь и весь этотъ день! Никогда такъ! За то рѣшилъ изъ тепла не выходить. На Крещеніе служить не буду, и въ церковь не пойду. Цѣлый день слабость, хотя и работалъ по роспискамъ... Докторъ прислалъ 4 пункта,—слѣдовать буду».

3 янв.: «Отъ лекарства (д. б. опиумъ) сидя проспалъ часа три; оттого лучше. Но утро спалъ. Потомъ работалъ,—приводилъ росписки въ порядокъ»...

4. янв.: «Цѣлую ночь спалъ, отъ усыпляющаго лѣкарства, конечно, на креслѣ; а полдня затѣмъ дремалъ, и спалъ на постелѣ. Вечеръ работалъ хорошо—считалъ по роспискамъ; но и «проповѣдь» еще не окончилъ. Болталъ много съ Пр. Сергіемъ о католикахъ и пр.».

5 янв.: «Скука смертная. Всѣ за Всенощной, я дома. Съ утра работалъ по сведенію счетовъ росписокъ... Ясосима разрѣшилъ мнѣ ванну»...

6 янв.: «Въ церкви не былъ. Цѣлый день страшно страдалъ астмой. Пр. Сергій служилъ и воду освящалъ»...

7 янв.: «Позвалъ америк. Д-ръ Блиссъ. Пользы тоже нѣтъ. Одна канитель. Цѣлый день пропалъ даромъ»...

8 янв.: «Докторъ Блиссъ обѣщалъ быть, но не былъ. Лѣкарство его пилъ. А отъ молока, которое онъ велѣлъ, желудокъ разстроился... Тепло. Дождь; выпилъ стаканъ порта, и готовлюсь писать; а буду ли писать,—не знаю; ѣможетъ тоже дрема возметъ».

9 янв.: «Лѣкарство амер. врача мерзкое, а пить надо. Цѣлый день болѣнъ, ничего не дѣлалъ. Аппетиту никакого, сна нѣту».

10 янв.: «Страдалъ весь день и ничего не могъ дѣлать. Отъ лѣкарства два раза рвало».

11 янв.: «Уѣхалъ въ госпиталь»...

Такъ печально кончились для Владыки Архіепископа Николая «святки», повидимому, при столь благопріятныхъ обстоятельствахъ служеніемъ въ первый день Рождества Хри-

стова начатые. Изъ представленнаго хода событій нетрудно усмотрѣть, что, не безъ воли, конечно, Божіей въ усиленіи болѣзни много значила неосторожность Владыки въ день елки Женской Школы и въ день русскаго Новаго Года... Но было много причинъ, которыя не только въ эти дни, но и много раньше сильно разстраивали Владыку и препятствовали правильному его леченію... Какъ уже сообщалось, Владыка не любилъ говорить о своей болѣзни, не любилъ и распросовъ о его здоровьѣ... Но онъ въ послѣдній годъ жизни положительно не могъ равнодушно слушать о смерти, особенно близкихъ и знакомыхъ лицъ... Между тѣмъ умираетъ его братъ, младшій его по возрасту... Умираетъ Иркутскій Святитель, приснопамятный Архіепископъ Тихонъ, товарищъ Владыки по Академіи... Умираютъ другіе архіереи, протоіереи... Изучивъ настроеніе Владыки, я никогда не рѣшался сообщить ему изъ газетныхъ телеграммъ: «умеръ-де такой-то»... И лишь послѣ, когда Владыка съ фактомъ т. ск. мирился, онъ самъ мнѣ говорилъ: «а читали какъ-то на дняхъ о смерти такого-то?..»

Послѣдніе же дни были для него особенно тяжелы въ этомъ отношеніи. Пріѣзжаетъ въ Тоокѳо полечиться жена катихизатора Георгія Оно... Неожиданно умираетъ въ больницѣ... «Отъ какой болѣзни умерла»,—спрашиваетъ Владыко... «Отъ зенсоку»,—отвѣчаютъ... А «зенсоку» въ переводѣ значить «астма»... Владыка былъ этою смертію страшно разстроены и много охаль, что вотъ-де и у него «зенсоку», и, вѣроятно, онъ умретъ столь же скоро и неожиданно... Другой случай... Приходитъ телеграмма: умеръ священникъ Титъ Комацу... «Отъ какой болѣзни умеръ». — первый вопросъ... «Отъ болѣзни сердца... Неожиданно постигъ во время путешествія по приходу параличъ сердца»... Не забыть мнѣ, какъ Владыка, сидя на стулѣ, низко склонилъ голову, и долго, и грустно о чемъ-то размышлялъ... Всѣ подобныя событія, довольно безразличныя для здороваго человѣка, весьма поражали больного Владыку... И конечно ужъ не помогали леченію!.. До какой степени Владыка былъ чувствителенъ при упоминаніяхъ о болѣзни и смертяхъ, показываетъ такой случай... вмѣстѣ обѣдаемъ.. Приготовлена манная каша, ибо изъ Владивостока получена манная крупа... Владыка въ Японіи кашу манную ѣстъ впервые... «Прекрасно... Вкусно... И какъ вы надумали выписать такую крупу?.. Вѣроятно, и для здоровья полезна»...—

разсуждаетъ Владыка... Я съ простоты и скажи: «очень полезна... Когда я при окончаніи курса Семинаріи былъ тяжко болѣнъ, мнѣ все было запрещено, но манную кашу разрѣшили... Даже больше: заставляли ѣсть»... Сказалъ въ простотѣ, а результатъ неожиданный: «а-а!.. Такъ вотъ почему вы меня кашей угощаете!.. И я-де тяжко болѣлъ!.. Нѣтъ, еще погодите хоронить» и т. д... Какъ же нужно было быть осторожнымъ, чтобы чѣмъ ниб. не разстроитъ Владыку! И какъ неосознательно и невольно многіе его, значить, разстроивали, а еще больше—многое его разстроивало.

Но едва ли не больше всего разстроивали неудачи по сбору на построеніе церкви въ Хакодате... Нужда въ церкви настоятельная... Денегъ не было. Владыка началъ просить, собирать... Кой что было получено, но не было еще и половины желательной суммы... Снова письма... Письма знакомымъ и незнакомымъ. Письма незнатнымъ и знатнымъ... Письма состоятельнымъ... Но девять изъ десяти писемъ оставлены были даже безъ отвѣта, хотя бы и отрицательнаго... «Вотъ, прислалъ бы кто н. на построеніе церкви въ Хакодате,—это было бы для меня лучшимъ лекарствомъ» — часто повторялъ Владыка во время болѣзни... И дѣйствительно, нужно было видѣть, какъ онъ ожилъ, когда его извѣстили о пожертвованіи въ 3.000 руб. нашими щедрыми благотворителями изъ Москвы И. А. и К. О. Колесниковыми... Много радости доставила почившему Владыкѣ и телеграмма изъ С.-Петербурга отъ граф. Е. В. Шуваловой о «новомъ» пожертвованіи, полученная Владыкою наканунѣ смерти... Но въ общемъ такихъ радостей было мало... Рѣдкіе же отказы и частое молчаніе въ отвѣтъ на усиленныя просьбы весьма опечаливали больного Владыку...

Итакъ, съ 11 (24) января 1912 года Высокопр. Архіепископъ Николай былъ перевезенъ въ госпиталь... «Послѣдній разъ былъ въ госпиталь, когда учился въ духовномъ училищѣ»,—сказалъ Владыка... Вѣроятно, плохо онъ чувствовалъ себя, если рѣшился ѣхать въ госпиталь.

III.

Прежде, чѣмъ писать о пребываніи Владыки Николая въ госпиталь, скажу нѣсколько словъ о томъ, какихъ трудовъ стоило уговорить его лечиться у хорошаго доктора, и ѣхать въ госпиталь....

Всѣ видятъ, что Владыка страдаетъ, но лечится плохо... И почти никто не вѣритъ въ его доктора... А ухоть за больнымъ? Никакого!.. Самъ даже подкидываетъ ночью уголь въ чугунокъ... Послѣ долгихъ колебаній я рѣшился поговорить съ Владыкой о необходимости полечиться у хорошаго доктора...

«Владыка. Вотъ вы все охаете да охаетъ... Вы бы полечились серьезно. И тогда, вѣроятно, быстро поправились бы»...

«Я и лечусь... У меня былъ нѣсколько разъ Ясосима... Вотъ и его лекарства.. Чего же еще хотите?»..

«Да. Но докторъ вашъ слишкомъ рѣдко бываетъ... И болѣзни вашей хорошо не знаетъ... Придетъ слуга за лекарствомъ... «Ну, что Владыкѣ лучше? — спрашиваетъ... «Ику-бун-ка ии десь»,—отвѣчаетъ... «Ну, — въ такомъ случаѣ, это лекарство можно и отмѣнить»... Но если такъ, — то кто же вашъ докторъ? На половину слуга Иванъ»...

Владыка улыбнулся... «Не беспокойтесь, когда очень нужно, докторъ и самъ меня смотреть»..

«Но вѣдь докторъ вашъ ни разу не свидѣтельствовалъ вашъ желудокъ, ваши почки?... Какой же это докторъ?»..

«Ну, ужъ вы моего доктора не злословьте... Это мой старый пріятель, мой организмъ знаетъ хорошо... Зачѣмъ же я буду его мѣнять? Да и на кого мѣнять? Всѣ доктора одинаковы»...

«Да вы бы взяли доктора-иностранца... Вѣдь всѣ они получили заграничное образованіе и, вѣроятно, знаютъ побольше вашего Ясосима»...

«Знаете, что я вамъ скажу, отвѣчаетъ Владыка. Если вы хотите мнѣ доставить удовольствіе, не говорите вы мнѣ никогда о болѣзни, о докторахъ, о леченіи... Я ненавижу свою болѣзнь... А вы мнѣ о ней твердите... Можете вы исцѣлить меня?.. Можете?.. Не можете?..—тогда оставьте меня въ покоѣ!.. Вотъ, только бы когда-нибудь хорошо выспаться,—и тогда я буду здоровъ»...

Разумѣется, послѣ такого разговора я на день-два успокоился: говорить дальше было бы не только бесполезно, но и вредно... Однако, когда положеніе Владыки 7 января приняло угрожающій видъ, я пошелъ къ нему снова и настойчиво попросилъ Владыку позвать доктора иностранца, заявивъ ему, что если не позоветъ онъ, то позову я... Разговоръ былъ рѣзкій... Не хочется его вспоминать... Я долженъ былъ

уйти безъ положительнаго отвѣта... Однако, оказалось, что Владыка послѣ разговора сразу же послалъ въ Посольство за хорошимъ докторомъ и черезъ 2 часа поднялся въ мою квартиру и, подавая письмо изъ Посольства, сказалъ: «успокойтесь; въ 3 часа докторъ будетъ, какъ желали... Только пользы то не жду отъ него. Одна канитель».

7 января, въ 3 часа дня пріѣхалъ на автомобилѣ докторъ Блиссъ... Въ квартиру Владыки опять сбѣжались нужные и ненужные люди... Долго свидѣтельствовалъ Владыку докторъ... Сердце нашель весьма нехорошимъ... На второй этажъ подниматься воспретилъ... Приказалъ по возможности не двигаться... На улицу выходить воспретилъ... Сидѣть совѣтовалъ непремѣнно съ поднятыми на сосѣднее кресло ногами, чтобы облегчить работу слабаго сердца... Взялъ все нужное для опредѣленія состоявія почекъ и желудка... Прописалъ лекарство...

Владыка докторомъ, его тщательнымъ осмотромъ былъ очень доволенъ... Только не могъ понять, какъ можно совѣтовать «недвигаться», когда ему придется работать и нагибаться въ день по 1.000 разъ... Докторскую діету обѣщаль Владыка исполнять... Но отъ услугъ сестры милосердія категорически отказался.

8 числа Владыка страдалъ... «Лекарство не человѣческое, а лошадиное»,—жаловался онъ мнѣ... Но лекарство все же пиль.

9 числа докторъ настойчиво звалъ Владыку въ госпиталь... Но Владыка отказался: «не могу же я оставить миссію безъ хозяина. Да и спѣшнаго дѣла много»...

10 января появились скверные признаки... Владыку среди дня неожиданно начинало тошнить... Силы все слабѣли... Работать Владыка не могъ... Большую часть дня проводилъ въ полудремотѣ: «съ удовольствіемъ бы поѣхалъ въ госпиталь, если бы только знать, что будетъ польза... А что же кататься съ мѣста на мѣсто?»—все же сказалъ онъ подъ вечеръ...

11 (24) января.

Утромъ, въ началѣ 10-го часа, прибылъ въ миссію докторъ Блиссъ, и осмотрѣвъ Владыку, категорически заявилъ, что онъ только тогда можетъ ручаться за нѣкоторый успѣхъ

лечения, когда Владыка переѣдетъ въ госпиталь подь непосредственный надзоръ докторовъ и уходъ сестеръ милосердія... Владыка согласился. Когда вслѣдъ за докторомъ я пришелъ къ нему, онъ встрѣтилъ меня словами: «уѣзжаю въ госпиталь; но скоро мисока (расчетный день), поэтому я вамъ оставлю чекъ на 4.000 енъ, написавъ его 27-мъ числомъ. Въ свое время получите и рассчитывайтесь»... Въ комнатѣ былъ поваръ Никаноръ... Хлопоталъ около маленькаго чемоданчика... Сбиралъ бѣлье... «Что ты укладываешь рвань?.. Выбери, что получше... Вѣдь къ чужимъ людямъ ѣду»,—говорить Владыка... Уложили бѣлья три смѣны... Я принесъ съ такъ наз. «третьяго этажа», а попросту съ чердака новенькую драповую рясу... Положена въ чемоданъ иконка «Отрада и утѣшеніе»... Нѣсколько №№ «Москов. Вѣдомостей»... И даже серьезное чтеніе: «Правила Православной Церкви съ толкованіями Никодима, епископа Далматинско-Истрійскаго», въ новомъ изданіи С.-Петербургской Духовной Академіи... «Сѣзжу... Только, если и тамъ толку не будетъ, то дня черезъ три-четыре вернусь домой... Одна канитель... Работать нужно... А тутъ эта дрянъ привязалась»..., недовольно разсуждаетъ Владыка...

Заказана карета, но еще не ѣдетъ... Написанъ Владыкою и мнѣ переданъ чекъ... Кой-какія распоряженія мною выслушаны... Разговоръ не клеится... Владыка сидитъ грустный-грустный, облокотившись на правую руку... «Идите домой. Занимайтесь съ учителемъ своимъ дѣломъ... Иначе и на васъ я скуку нагоню»,—безпокоится старецъ. Но вотъ въ 11 часовъ прибылъ докторъ Хоріуци изъ госпиталя Св. Луки... Съ нимъ цѣлая аптека... Подали и карету... Прежде чѣмъ выѣзжать, докторъ еще разъ ослушалъ Владыку, и непремѣнно хотѣлъ сѣсть въ каретѣ рядомъ... Владыка воспротивился... Съѣлъ направо, я налѣво, докторъ противъ Владыки... Перекрестились... На соборъ помолились и, провожаемые сургадскими насельниками, выѣхали... Докторъ каждыя 5 минутъ справлялся, не «мучительно ли» Владыкѣ... Но тотъ отрицательно махалъ головой... Какъ оказалось впоследствии, состояніе Владыки въ этотъ день было найдено столь сквернымъ, что главный докторъ госпиталя Св. Луки не рѣшался перевезти Владыку иначе, какъ съ необыкновенными предосторожностями... Разумѣется, внутрь кареты была уложена цѣльная аптека... Тихо ѣхали, но черезъ полчаса прибыли. «Снести Владыку на второй этажъ»... Но здѣсь уже онъ не

вытерпѣлъ: «я не такой еще слабый... Поднимусь и самъ»... И поднялся... Но сразу сѣлъ на кресло, и едва отдышался: «вотъ усталъ-то!.. И времена же пришли»...

Больница принадлежитъ американской миссіи... Двухъ-этажное деревянное зданіе... Учрежденіе благотворительное... Но лишь въ одной своей части... Но въ другой—страшно дорогое, ибо одно изъ немногихъ, имѣющихся въ распоряженіи европейцевъ и американцевъ... Владыкѣ отвели перворазрядную комнату «Св. Троицы», какъ гласила англійская надпись... Электрическое освѣщеніе... Газовое отопленіе... Большая кровать на пружинахъ... Умывальникъ и пр. Камодъ. Коврики, картины... Словомъ, — довольно уютно... Но неприятно было слышать, что въ этойъ комнатѣ не задолго предъ тѣмъ скончался католическій архіепископъ... Сего я просилъ не сообщать больному... Изъ оконъ прямо виднѣется корпусъ католической миссіи... Черезъ улицу и рядомъ—миссія американская. Вѣдь «Цукидзи»,—мѣстность, гдѣ расположенъ госпиталь, главнымъ образомъ населена европейцами и американцами: «иностранный селъмень» недалекаго прошлаго...

Въ больницу еще до нашего пріѣзда прибыли свящ. о. Романъ Циба, редакторъ Петръ Исикава и секретарь Давидъ Фудзисава... Разобрали вещи Владыки... Все разложили по ящикамъ; но въ виду утомленія Владыки и прозрачнаго намека доктора Блисса, оставили больного въ покоѣ...

Въ больницѣ мы сняли еще одну комнату по сосѣдству съ Владыкой, не говоря о семъ ему и установили въ сей комнатѣ дежурство изъ іерея [непремѣнно] и изъ одного учителя или катихизатора... Обязанность дежурныхъ была слѣдить за малѣйшимъ ухудшеніемъ въ болѣзни Владыки... Они же должны были о всемъ телефонировать въ миссію и принимать возможныхъ посѣтителей... На двери комнаты Владыки повѣспли надпись: «входитъ къ больному и разговаривать съ нимъ абсолютно воспрещается»... Къ счастью, эта надпись не простиралась на меня...

Возвратившись домой, я составилъ телеграмму изъ 87 словъ и послалъ ее почтой до Владивостока на имя В. К. Саблера... Затѣмъ вызвалъ іереевъ и преподавателей семинаріи и съ ними рѣшили начать ежедневныя моленія за Владыку: въ 6 час. утра литургія съ прошеніями о болящемъ и съ молитвой за него, въ 6 час. веч. всенощная и послѣ нея молебень

о болящемъ; пѣть должны воспитанники и воспитанницы, по классамъ, но посѣщеніе службъ предоставлялось доброму произволенію учащихся и христіанъ...

Уѣхалъ въ Цукидзи Владыка... Какъ будто солнышко красное удалилось изъ Суругада... Всѣ ходятъ пасмурные... На душѣ скверно... Точь въ точь, какъ въ мозглый осенній Петербургскій день... Напала какая-то апатія... И одна дума неотвязчиво въ душѣ: а скоро ли опять прояснится погода, и опять засвѣтитъ въ миссіи наше солнышко... Тревожно проведенъ былъ этотъ вечеръ и слѣдовавшая за нимъ ночь въ Суругада!

12 (25) января.

Я прибылъ въ госпиталь въ 9 час. утра. Владыка сидѣлъ около кровати на креслѣ, съ опущенною головою... Голова и руки нѣсколько тряслись... Блѣдный... Увидя меня, прямо началъ жаловаться: «всю ночь не спалъ; только промучился... Уложили меня вотъ на эту постель (на пружинахъ) и приказали не сходить съ нея. Я не могу лежать, хочу встать,— она (т. е. сестра милосердія) не позволяетъ. Я силой хочу встать,—такъ и она сильная: беретъ меня за плечи и обратно укладываетъ... Говорю: дай хоть книгу... Не даетъ... Прошу: позволь хоть газету почитать, — не позволяетъ... Одни мученія... Въ Суругада лучше: самъ себѣ господинъ»... Я пробую заступиться за сестру милосердія: вѣроятно-де дѣлаетъ не больше того, что приказано докторами... «Совсѣмъ нѣтъ,—возражаетъ Владыка... Просто: дура попала... Вотъ, придетъ докторъ, пожалуюсь ему... А если и онъ не позволитъ спать сидя, уѣду въ Суругада... А на этотъ эшафотъ?.. Покорно благодарю: больше не полѣзу! Хочешь повернуться, — и все на койкѣ за тобой тащится... То ли дѣло у насъ въ миссіи»!..

И дѣйствительно, Владыка ни разу больше не спалъ на койкѣ, проводя дни и ночи въ креслѣ, обложенномъ подушками, причемъ второе, плетенное изъ камыша, кресло служило ему для ногъ...

«А вѣдь знаете, до чего вчера я усталъ!.. Три раза, вставая съ кресла, упалъ на полъ!.. Еще ладно, что ничего при паденіи не разбилъ изъ вещей... Да и теперь слабость страшная... Съ каждымъ днемъ силъ все меньше и меньше становится»,—говоритъ Владыка... Чай, приготовленный по-англійски [крѣпкій, съ молокомъ] Владыкѣ не понравился... Про-

силъ прислать изъ миссіи китайскаго... Туфли забыли,—просилъ прислать туфли... И такъ какъ въ 10 час. я долженъ былъ быть въ семинаріи на проповѣдническомъ собраніи, то до вечера простился съ Владыкой и возвратился домой, угорившись пріхать въ 5 час. вечера.

Пробыль я на собраніи въ семинаріи 2 часа... Воспитанники Усуй Лука и Кагета Тимофей говорили хорошо проповѣди... Прочіе слушали... Преподаватели разбирали... Дѣлалъ въ заключеніе замѣчанія и я. Собраніе прошло прекрасно, и у меня было чѣмъ порадовать Владыку въ вечерній пріѣздъ къ нему... Жду я 5 час. Занимаюсь съ секретаремъ текущими дѣлами... Вдругъ, вбѣгаетъ старикъ служитель и торопливо говорить: «по телефону изъ госпиталя васъ просятъ прибыть какъ можно скорѣе... Владыкѣ худо»... Карандашъ выпалъ изъ рукъ... Успѣвъ сказать: «пошлите о. Романа въ госпиталь со Св. Дарами»,—я накинулъ ряску, схватилъ шляпу и почти бѣгомъ направился къ воротамъ, гдѣ можно взять дзинрикиса... Тороплю подать скорѣе, и съ двумя человѣками... Торопятся люди... Но мнѣ кажется, что они слишкомъ медленны, и что вотъ именно изъ-за этой-то минуты не застану я въ живыхъ своего возлюбленнаго Владыку... На душѣ мрачнѣе мрачной ночи...

Но вотъ,—поѣхали... Бѣгутъ столько, сколько могутъ возницы... Но мнѣ кажется, что тихо... «Скорѣе... Скорѣе», — прошу ихъ... Вотъ домъ графа Тода,—сегодня у него съѣздъ... Въ каретахъ, въ автомобиляхъ, въ дзинрикиса спѣшатъ важные мужчины, разодѣтыя дамы... Какой суетой все это казалось при мысли, что тамъ, въ Цукидзи, въ смертной опасности мой старецъ!.. Встрѣчается секретарь посольства А. И. Щербацкій съ супругой... Ъдутъ туда же. Раскланиваются... Едва даже установилъ, кто это поклонился... Такъ было скверно на душѣ!.. Я въ больницѣ... «Что Дай-Сюкео?»—спрашиваю дежурную внизу сестру... Какъ я боялся получить роковой отвѣтъ!.. «Особыхъ перемѣнъ нѣтъ», — отвѣчаетъ... Что-то съ души свалилось... Легче стало... Поднимаюсь наверхъ...

Владыка сидитъ на креслѣ, свѣсивъ голову на правую сторону... Глаза совершенно открыты... Ротъ открытъ... Дышетъ тяжело-тяжело... Какъ будто лицо нѣсколько скошено... Ноги протянуты на другое кресло... По бокамъ Владыки стоятъ двѣ сестры милосердія... Одна неизмѣнно держитъ пульсъ...

Другая раскрыла грудь Владыки и дѣлаетъ какія-то вспрыскиванія...

«Что съ Дай-Сюкео»?..—спрашиваю... «Съ 4 час. дня очень худо». — отвѣчаютъ... Приходитъ въ который уже разъ докторъ... Опять трубки въ уши... Ослушивается сердце и удаляется... «Владыко! Владыко»!.. — зову я, взявъ руку Владыки. Отвѣта нѣтъ... Прежнее положеніе... Еще разъ спрашиваю, когда и что случилось съ Владыкой... «Уснулъ, сидя на креслѣ, въ 1 часъ дня... Пульсъ сдѣлался опаснымъ съ 4-хъ»... Опять приходитъ докторъ... Опять ослушивание... Сестры безотлучно. Не замѣтилъ я, какъ зажгли электричество... Неужели уже къ 7 час. близко?—не хотѣлось вѣрить!.. Но было такъ... Наконецъ, докторъ, еще разъ послушавъ Владыку, заявляетъ мнѣ, что они извиняются за причиненное мнѣ безпокойство... Но теперь просятъ больного оставить одного: опасность миновала, и они ручаются, что можно, не боясь за печальный исходъ, быть въ Суругадаѣ до утра... Небольшое утѣшеніе... А все же утѣшеніе... Той порой прибыли въ больницу и о. Романъ со Св. Дарами, и посольскій о. протоіерей П. И. Булгаковъ..., за коимъ я нарочито послалъ своихъ дзинрикися...

Съ какимъ-то тупымъ сознаниемъ, что опасность отсрочена, но не уничтожена, возвращался я въ Суругадаѣ, который тоже нельзя было оставить хотя бы и безъ временнаго хозяина: дѣло шло своимъ чередомъ и требовало моего присутствія постоянно.

Обрадовались въ Суругадаѣ, что все же Владыкѣ непосредственной опасности нѣтъ... Я у телефона на ночь положилъ сторожа... Конечно, самъ всю ночь провелъ безъ сна, съ постоянною мыслью: а вдругъ, да опять позовутъ туда... Но вызова не было...

13 (26) января.

Съ замираніемъ сердца подходилъ я къ больницѣ утромъ на слѣдующій день... Въ какомъ-то положеніи Владыка,—думалось... Но вотъ встрѣчаетъ меня дежурный о. Романъ... Владыка проснулся послѣ вчерашняго сна съ 1 часу дня въ 6 час. утра... Когда о. Романъ сразу же къ нему зашелъ, онъ узналъ его, спросилъ изл.-за двери: «даре ка?»—«Я, Романъ...»—«А, входи... Зачѣмъ пришелъ».—«Васъ навѣститъ...» «Спасибо.

Значительно лучше», — отвѣтилъ Владыка и сразу же задремалъ...

Захожу въ комнату я... Владыка очень обрадовался... «А я васъ заждался... Ходите пожалуйста почаще... Все одинъ и одинъ... Скучно...» — «Владыко. Вчера я больше 2 часовъ ждалъ васъ, но вы крѣпко спали», — отвѣчаю я... Владыка заволновался... «Я? Спалъ?.. Да что вы говорите? Да я уже забылъ, какъ спать!... Самое большее на 15 минутъ забудешься... Это они вамъ нарочно сказали, чтобы вы меня не беспокоили... Только не слушайте вы ихъ, а прямо приходите ко мнѣ».

Чувствую я, что Владыка вчерашняго дня не сознаетъ. Но въ этомъ я скоро совершенно убѣждаюсь: «знаете, вѣдь вчера я такъ усталъ, что три раза упалъ, вставая съ кресла», — вторично заявляетъ мнѣ Владыка... Но то, что было уже «третьяго дня», для него все еще «вчера»... 12-е число внѣ его сознанія...

«Что новенькаго въ Суругадаѣ?.. Садитесь вотъ тутъ, да рассказывайте по порядку»... Я начинаю передавать о вчерашнемъ проповѣдническомъ собраніи... Владыка слушалъ съ большимъ интересомъ... «Это вамъ принадлежитъ счастливая мысль устраивать эти собранія... Вы ихъ и ведите... И не ослабѣвайте... Постепенно только улучшайте. И тогда много пользы будетъ отъ этихъ собраній. Но и по моему мнѣнію нужно ихъ устраивать не въ субботы по вечерамъ, когда все таки ученики устаютъ, да и преподавателямъ пужно приходиться нарочито... А лучше, какъ и начали, по четвергамъ... Вѣдь и эти собранія—тѣ же уроки... Кстати: у васъ тамъ привратникъ и привратница есть; прекрасно говорятъ проповѣди... Такихъ нужно отмѣчать и поощрять... Ну... дайте имъ обоймъ... ъ ень что ли»... Я удивленно смотрю на Владыку, ибо конца его рѣчи [о привратникѣ] положительно не разумѣю... Внимательно всматривается въ меня и Владыка. Вдругъ онъ весело разсмѣялся: «ну, и наговорилъ же я вамъ сейчасъ путаницы! Что значить, что плохо спалъ!.. Вѣдь я сейчасъ сонъ видѣлъ: привратникъ де и привратница хорошо говорятъ проповѣди... И всегда такъ... Останешься одинъ... Дремлешь, что сусликъ... И чего-чего не снится!..»

Казалось бы, что дальше ужъ не будетъ сновъ... Но неожиданно Владыка озабоченно говоритъ мнѣ: «Вчера вечеромъ о Моисея связаннаго привезли и положили въ больницу...

Узнайте пожалуйста, почему его связали, и чѣмъ онъ заболѣлъ»... — Какого о. Моисея привезли? — спрашиваю... о. Си-раива изъ Акита?.. «Да нѣтъ. Вы его не знаете... Миссіонера о. Моисея»... Только тутъ я понялъ, что Владыка опять бредитъ... Но на этотъ разъ Владыка своего бреда не замѣтилъ и продолжалъ: «Чѣмъ-то онъ, бѣдняга, заболѣлъ»...

Продолжаемъ разговоръ совершенно обычный... Владыка всѣмъ интересуется. Все-то онъ разспрашиваетъ. Совершенно здраво дѣлаетъ замѣчанія... Но среди разговоровъ то и дѣло прикладываетъ палецъ къ губамъ... «Не подать ли вамъ воды», — спрашиваю... «А зачѣмъ?»... — «Да вы палецъ къ губамъ прикладываете»... «Да вѣдь я же «хонъ емимась», книгу читаю... Развѣ не видите?»... Опять несомнѣнный бредъ... И далѣе совершенно ясныя мысли, интересные разговоры... Но среди разговоровъ Владыка нѣтъ-нѣтъ, — и наклоняясь, гладитъ лѣвой рукой одѣяло койки... «Владыка. Не подать ли вамъ чего-нибудь?... Вы что-то рукой достаете?»... «Да не мѣшайте мнѣ ради Бога! Самъ спутаюсь!.. Видите, что я отчетъ составляю»... [А составляя отчетъ, Владыка всю свою кровать-кушетку, стоящую отъ него налѣво, обычно занималъ сотнями разложенныхъ росписокъ]...

Вижу, что у Владыки лишь половина разговоровъ сознательныхъ, половина же въ бреду... Поспѣшилъ я оставить его одного, и немедленно попросилъ свиданія съ главнымъ докторомъ госпиталя...

Высокій... Черный... Не американскаго типа... Энергичное лицо. Это докторъ Тейслеръ... Съ нимъ вмѣстѣ вышелъ ко мнѣ и низенькій Блиссъ... Я передаю докторамъ свои наблюденія... Спрашиваю: бредовое состояніе есть ли результатъ, лекарствъ, всприскиваній... «охъ, нѣтъ... Это естественный ходъ болѣзни... Силы оставляютъ больного... И вспыхнувъ, какъ свѣчка, онъ снова же ослабѣваетъ и бредитъ... Мы и сами видимъ, что онъ бредитъ... Только въ такихъ случаяхъ просимъ не продолжать разговора на тему бреда... И тогда онъ скоро ее забудетъ и опять заговоритъ сознательно».

«Каково въ общемъ состояніе больного?... Скоро ли можно надѣяться на его поправку?».

— Ахъ, нѣтъ!.. Архіепископъ ни въ какомъ случаѣ поправиться не можетъ. Для этого нужно вложить въ него и сердце новое, и почки новыя»...

«Какъ?.. Развѣ и почки не въ порядкѣ? Первый разъ при-

ходится слышать. И докторъ Ясосима этой болѣзни никогда не называль»...

«Да. Мы произвели изслѣдованіе, и оказалось, что у Архіепископа старая и сильно развившаяся болѣзнь почекъ»...

«Но все же у васъ, докторовъ, есть же хоть маленькая надежда на излеченіе? — допытываюсь я, желая такъ или иначе отдѣлаться отъ висящаго надъ головой тяжелаго сознанія безнадежности Владыки»...

«Если бы онъ былъ помоложе... Но вѣдь вы его годы знаете... Нѣтъ! Надежды никакой не имѣемъ... Разумѣется, недѣли двѣ или три еще прожить можетъ... Правда, силы у него замѣчательныя... Организмъ поразительно сохранившійся... Если бы не надолго послѣдовало улучшеніе, то можетъ быть Архіепископъ даже 6 недѣль прожилъ... Только, сами знаете, что при такъ разстроенномъ сердцѣ можетъ онъ скончаться и внезапно... Наприм., мы думали уже, что онъ умретъ вчера, между 4 и 6 часами, когда вызвали васъ... Такъ онъ былъ плохъ»...

«Итакъ, даже при благопріятныхъ условіяхъ только 6 недѣль», — съ отчаяніемъ еще разъ спрашиваю я... И въ отвѣтъ американски-холодное, добивающее:

«Но въ этомъ случаѣ силы его будутъ постепенно падать... Одновременно болѣзнь будетъ заирать силу... Можетъ случиться, что нѣсколько предсмертныхъ дней и въ безсознательное состояніе впадетъ... Но мы постараемся, чтобы катастрофа не случилась внезапно»...

Вотъ все, чѣмъ подѣлился со мной докторъ... Не предвидя такого откровенно-жестокаго приговора, я взялъ съ собою къ доктору и о. Романа... И вотъ, теперъ вдвоемъ мы вышли въ пріемную гостиную... Усѣлись на диванъ... И заплакались... Здѣсь же дали слово никому не говорить того, что услышали отъ докторовъ...

Но то, что мы хотѣли сдѣлать секретомъ отъ христіанъ, не было секретнымъ дѣломъ для докторовъ и для репортеровъ... «Никорай-китоку», — вечеромъ выкрикивали уже на улицахъ газетчики, продавая газеты... Итакъ, — всему Тоокѳо оповѣстили: «Николай при смерти»...

Возвратившись въ Миссію, я послалъ сразу же товарищу и другу Владыки, Сотруднику нашей Миссіи Протоіерею

Инженернаго Замка въ С.-Петербургѣ телеграмму такого содержания: «Съ Новаго года астма усилилась. Владыка въ госпиталѣ. Положеніе критическое. Увѣдомьте Владыкъ»,—разумѣлъ членовъ Свят. Синода... Дѣроги отсюда телеграммы: 1 ень 40 сень за слово. Но не могъ же я не послать извѣстія, когда узналъ, что катастрофа виситъ надъ нами и вотъ-вотъ разразится...

Днемъ у Владыки посѣтители-русскіе. Былъ совѣтникъ Посольства... Говорятъ, Владыка поразилъ ихъ своей бодростью. Когда же я пришелъ къ нему вечеромъ, онъ, ничего не вспоминая про утро, поздоровался, всталъ съ кресла, прошелся по комнатѣ и говорить: «а посмотрите-ка, еще не такъ плохо: ходить могу»... Было время чая... Владыка надумалъ и самъ напиться чаю и меня напоить... И все ему хотѣлось дѣлать самому... Попросилъ кипятку... Подали... Недоволень, что въ кувшинѣ, а не въ чайникѣ... Попросилъ два стакана. Подали двѣ чашки: недоволенъ... Но все-таки чай заварили... «А теперь не торопясь поьемъ»... Тишина въ комнатѣ... Мягко свѣтитъ электричество сквозь красный густой абажуръ... Съ удовольствіемъ пьеть чай Владыка... Попросилъ клюквеннаго сиропа... Я прибавилъ ему капельку... «Какъ это мило, что мнѣ его прислали»,—говорить... «Владыка, да вамъ хотѣли послать пакусной икры... Только я отказался... Соленая де, и вамъ бесполезно»... «Эхъ, чудакъ же вы, «клади въ карету»... Забыли?.. Соленая сейчасъ,—а поправлюсь съ удовольствіемъ съѣмъ»... Настроеніе Владыки было благодушное... Ничего похожего на утро... Я хочу налить вторую чашку... «Обождите... Будемъ пить съ прохладцемъ... Куда торопиться?» Обождалъ... Выпили еще по чашкѣ... Началъ прощаться... Но Владыка попросилъ дать ему еще стаканъ кипятку съ клюквеннымъ сиропомъ... Выпилъ съ удовольствіемъ, и даже просилъ приготовить второй и поставить на комодъ: «выпью ночью, когда пить захочется»...

Владыка былъ такъ хорошъ, что утренній разговоръ съ докторомъ какъ-то поблекъ въ моемъ сознаніи и, возвратясь въ Сургадай, я горячо молил Господа о дарованіи выздоровленія болящему Архіепископу нашему Николаю...

14 (27) января.

• Суббота... Я пріѣхалъ къ Владыкѣ утромъ... «Спали ли»,—спрашиваю... «Разумѣется спалъ; только развѣ это настоящій

сонъ!.. Усыпляютъ лекарствами... Да вотъ дня 2—3 посмотрю... Если лучше не будетъ, домой возвращусь...

Владыка скучный, задумчивый... Разговоръ не вяжется... О чемъ думалъ въ эти часы больничнаго уединенія старецъ?.. Можно было иногда догадываться только по отдѣльнымъ фразамъ... «Нѣкоторые желаютъ знать минуту смерти... Желаютъ, напр., чтобы отецъ явился и сказалъ: помни такое-то число... Нѣтъ,—я этого положительно не желалъ бы... Если умирать, такъ не зная, когда умрешь»... Какъ однако судьба устроила вскорѣ совершенно обратное этимъ словамъ...

На башнѣ англиканской миссіи часы заиграли какой-то религіозный гимнъ «Не могу выносить. Надоѣли... Начнуть,—и не знаешь, когда конецъ будетъ... А главное,—все одно и то же»... Даже такая безобидная вещь,—и она способна была волновать больного...

День субботній... Вечеромъ мнѣ не было времени прѣхать. Поэтому я простился съ нимъ до утра...

15 (28) января.

Воскресенье... Соборъ переполненъ христіанами... Я совершалъ Литургію... Какъ сиротливо въ соборѣ!.. Вотъ въ лѣвомъ придѣлѣ, бывало, стоитъ онъ колѣнопреклоненный и усердно молится во время херувимской напр. Вотъ бывало, на чтеніе Евангелія онъ непременно выйдетъ на клиросъ, чтобъ не пропустить и одного слова... Нѣтъ съ нами нашего молитвенника и сомолитвенника!.. Вмѣсто этого на эктеніяхъ поминаемъ «болящаго Архіепископа Николая», читаю молитву о дарованіи ему исцѣленія послѣ сугубой эктеніи... Молебень... Вздохи христіанъ, при упоминаніи имени Владыки широко крестящихся... Платки у многихъ воспитанницъ Женской Школы приложены къ глазамъ... Слышны всхлипыванія... Охъ,—крѣпкіе нужны нервы для того, чтобъ въ такой обстановкѣ и самому не заплакать...

Но и послѣ обѣдни не сразу я могъ отправиться въ больницу... Пришлось ждать принесенія въ соборъ къ 2 час. умершей христіанки и отпѣть ее... А принести опоздали... Лишь въ 4 мѣ часу увидѣлся я съ Владыкой...

«Однако, вы сегодня поздно. Да ходите вы почаще»,—говоритъ Владыка. Я ему объяснилъ, что меня задержало... Успокоился... «А вы молебень за меня служили?.. Спасибо

вамъ за любовь... И христіане были?.. Очень меня трогаетъ. Молитесь! Молитесь!.. Не услышитъ ли Господь вашей и христіанской молитвы!»...

Спрашиваю Владыку о здоровьѣ... И какъ онъ сразу перемѣнился!.. «Ради Бога не раздражайте меня... Вы же знаете, что я первый ненавижу свою болѣзнь! Вѣдь развѣ это жизнь!.. Одна канитель!.. Ничего не могу дѣлать... Только ѣшь да спишь... Развѣ это жизнь?.. Дайте мнѣ исцѣленіе!.. А если не можете,—къ чему эти сочувствія!» Я только и могъ сказать Владыкѣ, что сейчасъ исцѣлилъ бы его, если бы это въ моей силѣ было... Но это въ Божіей власти... А въ нашей силѣ лишь молиться Богу объ исцѣленіи вашемъ... «Вотъ, пожалуйста, и молитесь», какъ-то необыкновенно мягко и просительно закончилъ Владыка...

Простились мы съ нимъ до завтра... Съ сегодня, оказывается, Владыка отказался ѣсть больничный супъ и потребовалъ себѣ супа суругадайскаго.. Поваръ Никаноръ принесъ его въ бутылкѣ... И послѣ сего носилъ ему каждый день...

Съ невеселыми думами возвращался я сегодня домой... Видимо, Владыку начинаетъ томить невольное ничегонедѣланіе... И этимъ онъ еще болѣе разстраиваетъ свое здоровье...

16 (29) января.

Еще съ первыхъ дней переѣзда Владыки въ Госпиталь христіане просили моего позволенія пригласить для освидѣтельствованія Владыки первую знаменитость въ Японіи по внутреннимъ болѣзнямъ, профессора университета въ Тоокёо, доктора Аояма... Я, конечно, не только позволилъ, но и просилъ, при условіи, что будетъ прежде приглашенія профессора испрошено согласіе главнаго доктора госпиталя... Согласіе было получено. Но Аояма оказался въ отъѣздѣ. И лишь 17 числа онъ могъ впервые посѣтить Владыку... Объ этомъ предупредили и Владыку: «и такъ уже всего искололи!.. Но ничено: пусть смотритъ. Только бы польза то была»...

16 числа прибыли христіане г. Тоѣхаси. Давно уже они дали обѣщаніе построить у себя въ городѣ церковь. Но доселѣ сіе обѣщаніе не было приведено въ исполненіе. Было собрано лишь 3.000 енъ денегъ. Услыша о болѣзни Владыки, и боясь остаться въ его мнѣніи не исполнившими своего обѣщанія христіанами, собрались христіане и рѣшили: церковь

построить; для этого собрать еще 3.000 енъ; объ этомъ своемъ рѣшеніи теперь же, пока еще живъ Владыка, доложить ему... Но какъ доложить? Къ больному никого изъ посѣтителей, за рѣдкими исключеніями для русскихъ, не пускаютъ... Христіане явились ко мнѣ, и просили во что бы то ни стало свидѣться съ Владыкой... Я взялся устроить это такъ, что бы для Владыки было какъ можно меньше волненій... Разказалъ ему все, что самъ узналъ отъ христіанъ... Показалъ ему планъ мѣстности, гдѣ будутъ воздвигать храмъ... Владыка всѣмъ живо заинтересовался... И непременно просилъ показать ему Тоёхаскихъ христіанъ... А они уже ждали въ пріемной комнатѣ... Вошли... Молча приняли благословеніе, со слезами на глазахъ... Но Владыка забылъ и мое наставленіе «не говорить, а слушать», и свое обѣщаніе «только благословить»... Стоя, низко, по-японски, поклонился всѣмъ христіанамъ... Смѣялся смѣхомъ радости... Горячо благодарилъ христіанъ... «Вотъ это для меня настоящее лекарство»,—говорилъ Владыка... Необычайная подвижность, веселое оживленное лицо, смѣхъ, разговоры: когда начать, гдѣ строить,—какъ все это не гармонировало съ приговоромъ докторовъ!.. Не вѣрилъ я своимъ глазамъ, видя такого Владыку... Да и христіане ушли утѣшенными: «на этотъ разъ еще, кажется, не конецъ, а лишь повѣстка: помни о концѣ!.. Но если еще болѣзнь повторится,—тогда уже не выздоровѣть будетъ... Тогда конецъ будетъ»,—заявилъ Владыка христіанамъ Тоёхаси, прощаясь съ ними. Съ надеждою, что на сей разъ «еще не конецъ», вышли христіане изъ комнаты Владыки, сердечно благодаря меня за доставленную радость видѣть Владыку.

Въ этотъ же день побывалъ у Владыки одинъ изъ старинныхъ христіанъ, котораго всѣ считали потеряннымъ для церкви... Принесъ Владыкѣ 100 енъ «на школы», ибо самъ учился давно въ катихизаторской школѣ (а сейчасъ офицеръ въ отставкѣ)... Но Владыка такъ уже утомился что на чекъ вмѣсто 100 енъ прочиталъ 400, и съ этимъ пріятнымъ самообманомъ такъ и скончался....

Всю-то свою жизнь Владыка собиралъ на церкви, строилъ церкви... За этимъ дѣломъ жила душа его... И теперь, во время болѣзни, когда угасали его силы, какъ вспыхивали онѣ, когда кто нибудь жертвовалъ на построеніе церкви! Наоборотъ, какъ его угнетала мысль: изъ 10 никто не только ничего не прислалъ, но ничего даже и не отвѣтилъ... И малымъ

для него утѣшеніемъ были мои ему слова: «Богъ дастъ, добрые люди пришлютъ»....

17 (30) января.

Въ госпиталь я отправился нарочито позднѣе, около 11 час. у. съ цѣлю застать консиліумъ. Въ 12 час. прибылъ знаменитый профессоръ Аояма. Въ консиліумъ приняли участие главный докторъ Тейслеръ, докторъ Блиссъ, докторъ Хоріуци... «Уже седьмой докторъ будетъ свидѣтельствовать меня... Да пусть... Лишь бы къ облегченію»,—жалуется Владыка... Доктора осмотрѣли Владыку и въ своемъ кабинетѣ долго совѣщались... Уѣхалъ профессоръ Аояма... Тейслеръ и Блиссъ позвали меня и заявили, что все найдено такъ же, какъ и ими. Сердце — совершенно испорченное, почки никуда негодныя, склерозъ артерій... Не отрицаютъ они возможности улучшенія дней на 10, при условіи абсолютнѣйшаго покоя... Но затѣмъ болѣзнь должна усилиться и роковой конецъ послѣдуетъ самое позднее чрезъ 2 мѣсяца... Итакъ, вмѣсто 6 недѣль 2 мѣсяца... Разница небольшая... Впрочемъ, прежній жестокой приговоръ.

Владыкѣ доктора пока ничего не сказали. И это обезпокоило его: «Что то нашель профессоръ?.. Вѣроятно худо нашель!.. Разъ не говорить ничего,—значить худо»,—жаловался Владыка въ тотъ день... Душевное безпокойство не преминуло отразиться на немъ. И когда я прибылъ къ нему вечеромъ, онъ показался мнѣ необыкновенно скучнымъ и утомленнымъ.

18 (31) января.

Разсчетный за январь день... Лишь въ 11-мъ часу утра впервые я могъ увидѣть Владыку... Когда я вошелъ въ комнату, онъ сидѣлъ не въ обычномъ креслѣ среди подушекъ, а на простомъ стулѣ, около комода, вблизи двери. Глубоко наклонившись, безъ малѣйшаго оживленія на лицѣ, Владыка о чемъ-то думалъ. «Наконецъ-то пришли!.. А я давно васъ жду... Сегодня вѣдь разсчетный день... Найдите у меня на столѣ, налѣво, подъ толстой книжкой особый листокъ, и по нему слѣйте дополнительныя выдачи»... Я говорю, что секретарь мнѣ уже назвалъ всѣхъ, значащихся на семь листкѣ, и я выдачи уже произвелъ... «Ну, и прекрасно... А теперь... садитесь... Да вотъ здѣсь садитесь... Только разговоръ этотъ оставьте между

нами»... Я въ недоумѣніи сажусь... Владыка неизмѣнно безжизненно скучный...

«Слушайте: *мнѣ жить осталосьъ двѣ недѣли*»...

«Да что вы, Владыко»?..—пытаюсь возражать я. Но напрасно!..

«Пожалуйста, не возражайте мнѣ, а слушайте... Могу взволноваться, разсердиться, а это мнѣ вредно... Считайте, какъ фактъ: мнѣ жить осталосьъ двѣ недѣли... Ну... три недѣли... Если ужъ особая милость Божія будетъ, протянусь до Пасхи... И теперь весь разговоръ можетъ быть лишь о томъ, какъ бы съ большей пользой для дѣла использовать это время... Судите сами: Трїодъ Цвѣтная не докончена... А и остались-то пустяки, всего три листа... Экономическій отчетъ еще не конченъ... А уже время его и отсылать... Вамъ по хозяйству рѣшительно ничего не показано... Есть письма, и важныя, на которыя еще отвѣтъ не послашь... Напр. Н. П. Комарову... Опись церковная начата, но не докончена... Конечно, и завѣщаніе не написано... Всего-то сдѣлать не успѣю!.. Это ясно... Тѣмъ усиленнѣе долженъ работать, чтобы хотя главное то сдѣлать... Итакъ, поразсудимте»...

«Владыка... Да кто вамъ сказалъ о двухъ-трехъ недѣляхъ?.. Разумѣется, болѣзнь серьезная... Но вѣдь для Бога невозможнаго нѣтъ... Вѣдь вы же такъ глубоко вѣрите въ милость и помощь Божію»...

«Кто сказалъ?.. Да самъ докторъ мнѣ сказалъ!.. Вотъ онъ сидѣлъ здѣсь... Смотрѣлъ мой пульсъ... Я его и спрашиваю: «докторъ, я смерти не боюсь, но на мнѣ лежитъ вся церковь, и у меня масса церковнаго дѣла неоконченнаго... Перечислилъ я ему, какъ и вамъ сейчасъ, неоконченное дѣло... Итакъ, говорю, скажите, нисколько не стѣсняясь, сколько я еще проживу»... А онъ долго смотрѣлъ мнѣ въ глаза, а потомъ такъ-то спокойно и ласково говорить: «да какъ вамъ сказать?.. Двѣ недѣли... Три недѣли... Ну, можетъ быть болѣзнь протянется до двухъ мѣсяцевъ»... А поправиться невозможно?—спрашиваю я... «Нѣтъ,—для этого вамъ нужно вложить новое сердце»... И началъ онъ подробно мнѣ описывать, гдѣ и что у меня разрушено... Оказывается, чуть не все разрушено»...

«Владыка дорогой... Будемъ молиться, и Господь дастъ,—ошибется докторъ»... Владыка сразу оживился и говорить: «Да сказать правду,—я на половину только доктору повѣрилъ... А въ глубинѣ-то души молюсь Святителю Николаю, Святителю

Иоасафу и Преподобному Серафиму вымолить мнѣ у Господа еще лѣтъ пять... Только пять лѣтъ... Вѣдь сколько я тогда успѣлъ бы перевести!.. Только одна у меня теперь и есть молитва, именно объ этомъ... Помолитесь и вы за меня... А теперь о дѣлѣ: завтра же возвращаюсь въ Суругадай»...

«Какъ? Уже завтра? А докторъ разрѣшить вамъ сдѣлать переѣздъ? Вы его уже спрашивали?»—удивляюсь я.

«Я свободный человекъ... Что хочу, то и дѣлаю... Сказалъ: завтра... И уѣду завтра... Не могу же я теперь здѣсь сидѣть безъ дѣла... Только и знаю, что сплю»...

«Но разумѣется, докторъ будетъ ѣздить къ вамъ ежедневно»,—спрашиваю я Владыку...

«Да ладно... Пусть по вашему будетъ... Пусть и докторъ ежедневно ѣздитъ... Только сестру милосердія положительно не нужно... На что она тамъ мнѣ? Да и гдѣ мы ее тамъ устроимъ»...

«Какъ, на что вамъ сестра милосердія?.. Да кто же тогда будетъ за вами ухаживать?.. Слуга Иванъ?.. Такъ онъ только до 9 час. А потомъ говорить: я долженъ спать... Ужъ не ночной ли дѣдушка Василій?.. Ходитъ по двору съ колотушкой... Нѣтъ—нѣтъ,—и зайдетъ посмотрѣть, есть ли уголь въ чугунокѣ, да живъ ли Архіепископъ»... Такъ какъ это мною было срисовано съ натуры, то даже Владыка засмѣялся...

«Ну, ладно... Васъ сегодня, вижу, не переспоришь... Берите и сестру милосердія, если она по вашему для меня пужна... Только тогда сами ее и устраивайте, гдѣ хотите»...

Немалыхъ усилій стоило мнѣ получить разрѣшеніе на устройство звонковъ изъ квартиры Владыки ко мнѣ, потомъ къ секретарю, слугѣ и сестрѣ милосердія... Доселѣ ихъ не было въ Миссіи... «Прямо стыдно будетъ звонить... Самъ похочетъ де позвать... А зоветь звонкомъ»... И только мое указаніе на то, что и Владыкѣ ходить теперь будетъ уже трудно, да и слугамъ куда пріятнѣе быть позваннымъ по звонку, ибо они не любятъ, когда хозяинъ врывается въ ихъ интимную жизнь и обстановку, склонили Владыку дать разрѣшеніе...

Простился съ Владыкой.. Захожу къ докторамъ... Оба страшно смущены рѣшеніемъ Владыки уѣхать въ Суругадай... Преждевременно переѣзжать... Не ручаются, что не умретъ по дорогѣ... Но удержать насильно не имѣютъ права... Я просилъ все же убѣдить Владыку, что даже два-три дня пребывания въ госпиталѣ ему будутъ полезны... Доктора сіе обѣ-

щали... А я поспѣшилъ домой для распоряженій по проведенію звонковъ и приготовленію квартиры Владыки, на случай возможнаго его переѣзда завтра...

19 января (1 февр.).

Вчера вечеромъ, послѣ молебна о здравіи Владыки, сообщилъ собравшимся христіанамъ, ученикамъ и ученицамъ о предстоящемъ возвращеніи Владыки. Рады сторожа—придверники... Но всѣ смущены, ибо чувствуютъ, что Владыка возвращается не потому, что поправился, и опасаются за переѣздъ отъ госпиталя до Суругада... Долго мы рѣшали, какъ совершить переѣздъ... Общее мнѣніе христіанъ, что даже въ каретѣ весьма опасно... Лучше де перенести на носилкахъ, въ лежачемъ положеніи, какъ переносятъ въ Японіи вообще больныхъ... Но разумѣется, Владыка не согласится на такой способъ передвиженія... Поэтому рѣшено взять карету, непременно на резиновыхъ шинахъ... И ѣхать шагомъ...

Весь вечеръ, до 1 часу ночи проводили звонки изъ квартиры Владыки ко мнѣ, къ секретарю, къ слугѣ и къ сестрѣ милосердія...

Наконецъ, въ 11 час. дня я поѣхалъ въ больницу, рѣшивъ карету, если понадобится, заказать изъ госпиталя... Владыка по обычаю сидѣлъ въ креслѣ, обложенный подушками... Блѣдный, съ желтизной на лицѣ... Полудремалъ...

«Итакъ,—сегодня переѣзжаемъ... Рѣшенное дѣло?»,—спрашиваю я его...

«Погодите... Вотъ придетъ докторъ... Посоветуемся съ нимъ... Слабость сегодня страшная»,—отвѣчаетъ онъ мнѣ...

Со мной пришелъ навѣстить Владыку старикъ іерей о. Борисъ Ямамура, котораго Владыка очень любилъ. Я сообщаю о семь Владыкѣ...

«И къ чему эти безпокойства!.. Только расходуются. да церковное время трятятъ... Позовите его сюда»...

Входитъ о. Борисъ... Высокій... Сѣдой... Настоящій патриархъ... Беретъ благословеніе... Владыка усаживаетъ его противъ себя...

«Зачѣмъ ты изъ такой дали пріѣхалъ?... Право, меня затрудняетъ даже такое проявленіе любви... Мнѣ стыдно даже»...

«Какъ же не пріѣхать?... Услышали, что вы опасно больны... И всѣ христіане просили меня нарочито съѣздить и справиться о вашемъ здоровьѣ»...

«Да что, о. Борисъ!... Плохо дѣло!... Вотъ, св. Давидъ-то что сказалъ: 70 лѣтъ... И лишь только особо сильные 80 лѣтъ... А мнѣ какъ разъ половина... Пожилъ,—и будетъ.. Пора умирать»...

«Зачѣмъ умирать?... Да вы еще поживите»...

Трогательно было видѣть эту мирную бесѣду двухъ старцевъ, изъ коихъ и о. Борисъ скоро поспѣшилъ за Владыкой: скончался весной сего года...

Простился Владыка съ о. Борисомъ... Вскорѣ пришелъ докторъ Блиссъ... «Какъ мы спали»,—спрашиваетъ Владыку... «Плохо, отвѣчаетъ Владыка.. Да если бы могъ спать, то вѣроятно и не болѣлъ бы»... А могу ли я сегодня возвратиться въ Суругадай?—спрашиваетъ Владыка доктора... «Разумѣется, удерживать мы не въ силахъ... Только я не ручаюсь, что вамъ сразу не сдѣлается хуже... Пробыли бы у насъ еще дня три-четыре. Окрѣпли бы... Каждый здѣсь проведенный день принесетъ вамъ укрѣпленіе..., дастъ лишнюю недѣлю здоровья»...

Докторъ говорилъ съ Владыкой, конечно, на англійскомъ языкѣ... И говорилъ какъ-то тихо, вкрадчиво, просительно... Наступило долгое молчаніе... Владыка о чемъ-то задумался... «Но позволите ли вы мнѣ здѣсь заниматься», спрашиваетъ Владыка... «Можно», отвѣчаетъ докторъ, «только поменьше»... «Да я позову Накай, и онъ собственно будетъ читать... Я же буду только слушать... Не буду утомляться...»,—уже Владыка полупросяще говорить... «И столикъ могу здѣсь поставить»?... Оказывается, Владыкѣ все разрѣшили, только бы не уѣзжалъ...

«Въ такомъ случаѣ, обращается ко мнѣ Владыка, возвращайтесь домой; въ моемъ кабинетѣ, въ шкафу, на второй полкѣ найдете японскую рукопись Цвѣтной Тріоди... У насъ вѣдь все уже переведено... Нужно только провѣрить. Тамъ же увидите и славянскую Тріодь... Все это передайте Павлу Накай и пусть онъ немедленно ѣдетъ сюда... А я, такъ и быть, пробуду здѣсь до понедѣльника (т. е. до 23 янв. ст. ст.)»

Я сразу же возвратился домой... Позвалъ Накай... Онъ обрадовался, какъ конь бранный, услышавшій военную трубу... Накай все взялъ съ собою и пришелъ въ Госпиталь въ 3 часа дня... Дѣйствительно, они занимались съ Владыкой полтора часа... Впрочемъ, на долю Владыки приходилось только слушать... Читалъ же рукопись Накай...

И утомили же эти полтора часа занятій Владыку!... Когда я пришелъ къ нему вечеромъ, онъ былъ въ полусонномъ со-

стояніи... А со мной пришелъ кромѣ того свящ. о. Петръ Сасагава, про котораго за его бездѣтельность, любилъ Владыка повторять: «вотъ человѣкъ, котораго забыли похоронить». . Такъ онъ вяль!... Посѣщеніе это поэтому не могло Владыкѣ доставить удовольствія... Онъ с. Петра принялъ, благословилъ... Но ничего съ нимъ не говорилъ.. Да и мнѣ, когда я остался одинъ, сказалъ: «утомляете только себя. Зачѣмъ ходить ко мнѣ по два раза въ день? Не нравится мнѣ, что изъ за меня вы пропускаете время дорогое»... Поэтому мы уговорились, что дальше до понедѣльника я буду посѣщать Владыку только разъ въ день, именно около полудня, когда онъ бодрѣе себя чувствуетъ...

Нужно ли говорить, съ какимъ облегченіемъ вздохнули всѣ, когда узнали, что Владыка согласился отложить нѣсколько свой отъѣздъ!... Очень ужъ всѣ боялись паралича сердца при переѣздѣ...

20 янв. (2 февр.).

Съ 9 час. утра Владыка занимался съ Павломъ Накай переводомъ, или точнѣе, провѣркой перевода Цвѣтной Тріоди. Я къ нему прибылъ около 12 час. дня. Владыка выглядѣлъ очень бодро и безпокоился лишь о томъ, что вчера онъ обошелся съ о. Петромъ Сасагава нѣсколько холодно: «это вы такъ скоро утащили его отъ меня; да и сами-то скоро ушли, почти ни о чемъ не поговоривъ»... Узнавъ, что о. Сасагава еще въ Тоокёо, Владыка просилъ меня привести его въ больницу еще разъ...

21 янв. (3 февр.).

Пришелъ къ Владыкѣ въ 12-мъ часу дня... Онъ еще занимался съ Накаемъ. Предъ окномъ комнаты небольшой столикъ... На немъ японскія рукописи, тушечница, кисти, предъ Владыкою—славянская Тріодь... Накай читаетъ японскій переводъ... По другой тетради слѣдить за читаемымъ Владыка... Временами останавливаются, вставляють запятую... Владыка въ золотыхъ очкахъ, бодрый... Кто бы могъ сказать, что это приговоренный къ смерти старецъ?.. При мнѣ дочитывали молитвы, чтומья въ день Св. Тройцы на вечернѣ, именно молитву за усопшихъ... Кончили... Владыка перекрестился нѣсколько разъ... «Слава Богу... Вотъ, одно дѣло и кончилъ... Теперь хотя бы къ печатанію приступить можно»... Накая

Павла Владыка отпустилъ.. Рукописи и славянскую Тріодь самъ связалъ: «снесите въ Миссію вы; вѣдь Накай слабосильный... И уложите на старое мѣсто»...

Согласно обѣщанія, я привелъ къ Владыкѣ о. Петра Сасагава.. На этотъ разъ Владыка принялъ его очень ласково, разспрашивалъ о состояніи церкви въ Сендаѣ... А когда о. Петръ ушелъ, Владыка и говоритъ мнѣ: «вотъ, подите же! Я постоянно говорилъ, что его забыли похоронить... А еще онъ меня похоронить!»!..

Сообщилъ я Владыкѣ просьбу христіанъ: разрѣшить въ его комнатѣ устроить электрическое освѣщеніе. Долго не соглашался Владыка: «испортите мнѣ все зданіе; подождите, лѣтомъ, если Богъ будетъ милостивъ, во всюда проведемъ.. А теперь зачѣмъ лишніе расходы!»!.. И лишь только тогда, когда я разъяснилъ ему, что и зданія не испортимъ, ибо главный проводъ пропустимъ черезъ раму, и расходовъ не будетъ, ибо проводка—бесплатна, а лампу покупаютъ и дарятъ ему христіане за свой счетъ, Владыка сталъ колебаться... Когда же передалъ ему, что и электрическая компанія, вообще заставляющая ждать очереди, въ данномъ случаѣ «для Николая» согласна немедленно приступить къ работамъ,—Владыка сдался: «дѣлайте, какъ хотите... Ну,—пусть будетъ у меня электричество»... И много послѣ сего онъ говорилъ о той любви, которую онъ видитъ во время болѣзни и отъ христіанъ прежде всего, и отъ инославныхъ, особенно англиканъ: епископы Макъ-Кимъ и Сесиль, и нѣкоторые ихъ пасторы не только посѣтили Владыку въ больницѣ, но и молились за него у его постели...

Въ этотъ же день начали, а на слѣдующій и окончили проводку электричества въ кабинетъ Владыки.

22 янв. (4 февр.).

Воскресенье. Въ соборѣ, при большомъ стеченіи богомольцевъ, мы совершили молебень о здравіи Владыки... Владыка въ этотъ день опять былъ очень слабъ,—вѣроятно утомился надъ слушаніемъ перевода Цвѣтной Тріоди... «Напрасно прожилъ здѣсь три дня»,—говорить... Но рѣшимость завтра переѣхать въ Суругадай полная... Весьма ворчалъ, узнавъ, что и звонки уже проведены, и электричество уже дѣйствуетъ... «Не нравится мнѣ такая поспѣшность... Зданіе

только портите»,—опять повторилъ онъ... Но дѣло было, къ удовольствію всѣхъ христіанъ, уже сдѣлано... Я весь день провелъ въ подготовительныхъ распоряженіяхъ къ переѣзду Владыки.

23 янв. (5 февр.).

Съ утра затопили въ квартирѣ. Высокопр. Архіепископа чугунку... Еще разъ провѣрили всѣ звонки... Попробовали электричество... Приготовили комнату для сестры милосердія... Къ 1 часу дня къ подъѣзду госпиталя заказали подать карету... Сдѣлавъ всѣ приготовленія, я въ 11 час. утра отправился къ Владыкѣ.

Онъ былъ уже совершенно готовъ къ отъѣзду, и лишь ждалъ обѣда... По обычаю госпиталя, обѣдъ подали въ полчаса перваго... Владыка покушалъ бульона, жаренаго, но отказался отъ сладкаго. Послѣ сего наступило томительное ожиданіе: кареты нѣтъ, а и дѣлать нечего...

«Да... Все кончено.. Конечно, дышать-то стало много легче... Но съ каждымъ днемъ слабѣю и слабѣю... Однако, видите, еще ходить могу... Что жъ?... Будемъ молить Бога, чтобы Онъ далъ мнѣ еще годовъ пять жизни... А впрочемъ.— все въ Его волѣ... Вотъ,—ближайшіе 3—4 дня ясно покажутъ: или въ гору, или вскачь подгору».

Низко наклонился Владыка... Глубоко задумался... «Нѣтъ!... Уходили сивку крутыя горки!... Не зналъ удержу въ ходьбѣ... На горы быстро поднимался... Всегда и всюду спѣшилъ... Вотъ и расплачивайся... Зналъ бы ранѣе, гдѣ упаду, соломки подстлалъ бы»..., вслухъ размышляетъ Владыка...

Собравшіеся въ ожидательной комнатѣ христіане и христіанки пожелали принять благословеніе Владыки... Онъ взялъ съ комода принесенные ему цвѣты. Самъ вышелъ, первый разъ въ больницѣ, на корридоръ, и благословляя каждого по очереди, всѣмъ далъ по цвѣтку... Всѣ со слезами цѣловали благословляющую руку и брали цвѣтокъ на память... Въ числѣ одаренныхъ цвѣткомъ случайно оказался и газетный репортеръ... Не могъ же онъ пропустить такого событія, какъ переѣздъ «Никорая» изъ госпиталя въ Суругадай!... И разумеется, на утро все это было подробно описано въ газетахъ...

Лишь въ половинѣ 2-го подали карету... Сапогъ Владыка одѣтъ уже не могъ: такъ отекли его ноги... Пришлось выходить и ѣхать въ туфляхъ... Надѣлъ драповую рясу... Доктора

хотѣли непременно перенести его до кареты, но Владыка рѣшительно отказался, и поддерживаемый мной и о. Романомъ Цѣба тихонечко спускался съ лѣстницы... Сѣли въ карету... Я закуталъ потеплѣе ноги Владыки одѣяломъ... Перекрестились и тронулись... Сзади въ особой дзинрикисѣ ѣхала сестра милосердія... При отѣздѣ, конечно снимали фотографы. «И здѣсь-то снимають!»—сказалъ Владыка, какъ то недовольно махнувъ рукой...

Много беспокоило Владыку то, что больница не подала ему счета при отѣздѣ... Но когда я ему сказалъ, что христіане просили подать счетъ имъ, и что у нихъ на этотъ предметъ сейчасъ уже имѣется больше 200 р., Владыка съ большою любовью говорилъ о своихъ христіанахъ: «все же жалко ихъ; хоть бы половину-то съ меня»,—не переставалъ онъ говорить...

Поѣхали было шагомъ... Но Владыка приказалъ поскорѣе... Погода необыкновенно благопріятствовала... Ровно въ 2 часа 15 мин. мы остановились у подъѣзда Миссіи... Предъ соборомъ іерен, катихизаторы, христіане, служащіе въ Миссіи, ихъ жены... Нѣкоторые плачуть... Всѣмъ хочется хоть немного-то посмотреть Владыку... Владыка поднялся на три ступеньки подъѣзда, снялъ свою шляпу, и кланяясь всѣмъ, довольно громко сказалъ: «вижу вашу любовь... Спасибо».

Послѣ сего онъ вошелъ въ свою квартиру, а встрѣчавшіе со слезами возвращались по своимъ домамъ... Въ квартирѣ, помолившись и раздѣвшись, Владыка немедленно же опустился въ кресло... Скучный... Невольно показались и у меня слезы... Испросивъ разрѣшеніе продолжать ежедневныя службы, я пошелъ домой, желая дать Владыкѣ отдохнуть... Просилъ и другихъ сдѣлать то же...

3 часа дня... Время чая... Подаютъ мнѣ самоваръ... «Владыка отдыхаетъ»?—спрашиваю... «Нѣтъ, сразу же досталъ бумаги и сталъ писать»,—отвѣчаетъ слуга... Я обомлѣлъ отъ неожиданности...

Въ четыре часа приходитъ секретарь и зоветъ меня къ Владыкѣ «съ росписками»... Я захватилъ всѣ росписки къ произведеннымъ въ отсутствіе Владыки уплатамъ, общій подсчетъ израсходованныхъ суммъ, остатокъ... И все это принесъ Владыкѣ... Онъ молча все это взялъ, и молча самъ сталъ пересматривать и подсчитывать мои расходы... Немного уже и оставалось до блаженнаго конца... Вдругъ онъ остановился...

Поднял голову... Какъ-то взволнованно посмотрѣлъ на меня, и гнѣвно говорить: «да что вы надѣлали?.. Напутали вы меня!..» При этихъ словахъ счета онъ бросилъ на койку... Взялся за грудь и тяжело дышалъ... Я ничего не понималъ... Секретарь, вѣроятно по обычаю, какъ-то изогнулся и незамѣтно выскочилъ въ дверь... Молчаніе... Поднимаюсь и я... Владыка беретъ меня за рукавъ и усаживаетъ на прежнемъ мѣстѣ... «Владыка, да въ чемъ дѣло?.. Гдѣ я васъ напуталъ»?.., спрашиваю... «Да вы что принесли»?.. «Росписки на произведенные безъ васъ расходы»,—отвѣчаю... «Да на что они мнѣ?.. Мнѣ все вамъ скоро придется сдавать!.. А вы мнѣ сдаете... Мнѣ отъ васъ нужно было только двѣ росписки за отпечатанныя въ прошломъ году книги, для присоединенія ихъ къ прошлогоднему отчету... 30 минутъ времени съ вами потерялъ.. А вы знаете какъ оно мнѣ дорого!»..

Секретарь заглядываетъ въ дверь, и видимо моментъ находитъ благопріятнымъ... Усаживается на своемъ мѣстѣ... Я же отыскалъ Владыкѣ интересныя ему двѣ росписки и ушелъ домой... Да, быстро и неожиданно Владыка послѣднее время раздражался... А это ему было такъ вредно...

Вечеромъ Владыка позвонилъ меня... «Ну-ка... Провели электричество... Такъ,—учите-ка меня пользоваться имъ»!.. Я зажегъ лампу... Въмѣсто прежняго красноватаго свѣта и полумрака, ярко загорѣлась не очень сильная лампа... «Мило... Прекрасно... Спасибо вамъ... И стѣнъ не испортили... Только знаете, что я вамъ скажу?.. Съ той-то керосинкой я 40 лѣтъ прожилъ, а эта лампа меня въ гробъ проводитъ».. Въ этотъ вечеръ Владыка пожелалъ лечь спать пораньше, ибо и переѣздъ, и занятія поутомили его...

IV.

24 янв. (9 февр.).

Утромъ пришелъ я къ Владыкѣ часовъ въ 7. Въ кабинетѣ занимались приборкой слуги. Владыка пилъ чай въ гостиной. Видъ утомленный, скучный... Такъ какъ къ 12 час. дня мнѣ нужно было ѣхать къ Морскому агенту и дать ему окончательный отвѣтъ относительно Нагасакской земли, то я и выбралъ этотъ свободный у Владыки моментъ для того, чтобы получить отъ него окончательное рѣшеніе по этому вопросу...

Владыку весьма безпокоило, откуда мы будемъ оплачивать

аренду участка и жалованье сторожу, въ общемъ 238 ень въ годъ. Но онъ полагалъ: до постройки церкви платить изъ %/% съ капитала на построение церкви, а построивъ церковь за *весь* капиталъ, впоследствии аренду и сторожа оплачивать изъ церковныхъ доходовъ... Я позволилъ усумниться въ возможныхъ доходахъ церкви, и высказалъ мнѣніе, не лучше ли построить церковь лишь за 10 тысячъ, отложивъ 5—6 тысячъ въ банкъ на уплату изъ %/% аренды и жалованья сторожу... Разговоръ происходилъ мирно... Но почему-то Владыка весьма обидѣлся на мое мнѣніе: «въ такомъ случаѣ вы и передайте Морскому агенту свое *особое* мнѣніе»... Заволновался, и еще разъ подтвердилъ, что собственно изъ миссійскихъ на содержаніе Нагасакской земли онъ не дастъ ни копѣйки... Съ такимъ-то неопредѣленнымъ отвѣтомъ, а еще болѣе съ разстроеннымъ сердцемъ я и поѣхалъ въ свое время давать отвѣтъ по срочному дѣлу...

Запелъ къ Владыкѣ въ 4 часа... Онъ весь день составлялъ экономическій отчетъ... «Погодите еще. Занять... Приходите, когда стемнѣетъ,—тогда и я заниматься не могу, и комнату у меня какъ разъ прибираютъ... Вотъ тогда и поболтаемъ»... Въ началѣ 6-го я пришелъ... Охая, перешелъ Владыка въ залъ...

«Почему сегодня не было спѣвки въ большой комнатѣ?.. Въдь сегодня вторникъ?»—спрашиваетъ Владыка...

«Что бы не беспокоить васъ, по совѣту доктора, мы спѣвку устроили для одного хора въ крещальнѣ, для другого въ помещеніи воскресной школы»,—отвѣчаю...

«Вотъ ужъ совершенно напрасно... Наоборотъ: пѣніе мнѣ доставило бы удовольствіе... Спѣли бы напр. «На рѣкахъ вавилонскихъ»... Я такъ люблю этотъ напѣвъ»...

Я обѣщаль сдѣлать соответствующее распоряженіе... Пользуясь случаемъ, прибавилъ я, что христіане полагаютъ неприличнымъ въ дни печали по поводу болѣзни Владыки совершать браки... И напр. предложенный и назначенный на этой недѣлѣ бракъ Петра Кампнага и Елены Кимура, кажется, отлагается до послѣ Пасхи...

«Это безобразіе!... Право же я затрудняюсь... Моимъ именемъ будутъ нѣкоторые получать стѣпеніе... Пусть все забудутъ о моей болѣзни... Все должно идти, какъ будто меня здѣсь нѣтъ»...

Опять я обѣщаль передать мнѣніе Владыки и склонить, кого нужно, не откладывать брака...

«Да... Дѣлать нечего... Приходится умирать... Останешься одинъ... И какъ подумаешь объ этомъ,—такъ обидно, такъ досадно становится, что слезы невольно появляются... И поплачешь... Вѣдь ужъ не такая же я развалина!.. Жилъ же М. Исидоръ до 90 лѣтъ!.. Единственное успокоеніе въ томъ, что умру не я первый... Всѣ умирають... Это общій удѣлъ... И вы потомъ умрете... Вѣдь только подумать то, сколько бы я могъ перевести еще богослужебныхъ книгъ... И вдругъ, извольте видѣть, приходится со всѣмъ разставаться»...

Но въ это время открыли въ залъ дверь: «комната прибрана»... Владыка немедленно усѣлся за составленіе отчета... Зажгли электричество... «Премилая вещь... Заведите и вы у себя... Впрочемъ, зачѣмъ, вамъ?.. Вѣдь скоро-скоро мнѣ конецъ... А кстати,—кто у васъ будетъ жить въ моей комнатѣ?»...

Съ поникшею головою, съ сердцемъ скорбнымъ шелъ я къ себѣ наверхъ... Изъ головы не выходятъ слова: «слезы невольно появляются... И поплачешь»... Да и вся-то бесѣда сегодня «около смѣрти и по поводу смерти»... Пошелъ я прямо въ церковь, гдѣ уже началась служба, и горячо молилъ Господа излить утѣшеніе въ сердце страждущаго отца нашего...

Вечеромъ Владыка пожелалъ идти въ ванну... Было у насъ по этому поводу волненій много, однако, ванну приготовили теплую, а не горячую, какую любилъ Владыка... И слуга былъ съ нимъ въ ваннѣ... И сестра милосердія стояла за дверью ванны... Да и мылся-то Владыка, съ раздѣваніемъ и одѣваніемъ, минутъ 15 .. Все прошло благополучно...

· 25 янв. (7 февр.).

«Хорошо ли спали послѣ ванны»,—спрашиваю Владыку... «Съ вечера заснулъ. Но съ 1 часу ночи напала на меня астма... Дѣлать нечего... Всталъ и составлялъ отчетъ... Впрочемъ, съ 7 часовъ утра еще часокъ поспалъ... Сонъ дополнилъ»...

Не смотря на такую мучительную, неспанную ночь, Владыка сидѣлъ за отчетомъ до самаго обѣда... Зайдешь къ нему, а онъ наклонившись надъ бумажкой шепчетъ про себя цифры: сложеніе и вычитаніе дѣлалъ всегда на бумажкахъ, не употребляя счетовъ...

Послѣ обѣда къ нему пришли христіанки, представительницы разныхъ общинъ, пять человѣкъ; отъ имени Женскаго

Общества онѣ поднесли Владыкѣ плюшевое одѣяло и вышитую подушку на диванъ... «Подушку попрошу Преосв. Сергія положить со мною во гробъ»,—сказалъ Владыка... А одѣяломъ былъ очень порадованъ и сразу же началъ употреблять его, покрывая имъ свои ноги, что онѣ дѣлалъ въ комнатѣ почти всегда, во избѣжаніе повторенія стариннаго ревматизма... Христіанокъ онѣ напоилъ чаемъ... А онѣ сидѣли, да плакали. Утѣшать ихъ пришлось Владыкѣ... Но отъ утѣшеній онѣ еще болѣе расплакались... «Чего плачете, говорилъ Владыка... Я всю свою жизнь отдалъ Японской Церкви... А теперь пришла пора отдать ей же и тѣло... Мое тѣло, видите, обратится въ японскую землю... И пусть будетъ оно залогомъ, что моя душа всегда будетъ съ Японскою Церковью... И тамъ я за нее буду молиться... Чего же расплакались?»..

Всѣ эти депутатки послѣ пришли ко мнѣ... Подробно передали разговоръ съ Владыкой, и опять много плакали...

Уже закатилось солнце... Вѣроятно, Владыка сейчасъ прекратилъ уже занятія, думаю... Иду къ нему... «Какъ разъ во время... Пойдемъ, поговоримъ»... Накинувъ одѣяло поверхъ плечъ, Владыка со мной перешелъ въ гостинную, гдѣ печь никогда не топилась, и гдѣ и на этотъ разъ была температура погребя...

«Чувствую, что слабѣю... Ежедневно слабѣю... Силы мои оставляютъ меня... Хоть бы скорѣе кончалась эта трагедія... Вѣдь разъ я не могу работать,—какая же это жизнь!.. И на что мнѣ «это» (показывая на тѣло)?»..

«Говорятъ нѣкоторые, что человекъ только тѣло, что души у него нѣтъ... Нѣтъ, батенька, если бы человекъ состоялъ только изъ тѣла, то—не безпокойтесь—тѣло о себѣ позаботилось бы... Поберегло бы себя!.. Не допустило бы утомить себя до болѣзни... А такъ какъ кромѣ тѣла есть душа, да и сильнѣе она тѣла,—вотъ душа и работаетъ, и волнуется, и мѣры—удержу не знаетъ... на тѣло смотря, какъ на помѣху... Глядь,—а тѣло то и ослабѣло!.. Непорядокъ... Во всемъ должна быть гармонія... Зналъ бы это въ свое время,—во всемъ бы мѣру соблюдалъ... А теперь и расплачивайся за свою неосторожность»...

«Не утѣшайте меня!.. Смотрите на все, какъ и подобаетъ намъ... Учитесь у доктора Блисса... Какъ онѣ меня утѣшаетъ!.. Сегодня я его спрашиваю: «а что докторъ, на двѣ недѣли меня еще хватить?».. А онѣ мнѣ отвѣчаетъ: «I hope»... «Я надѣюсь»...

Не больше... Да еще прибавить: «удивительный у васъ организмъ! Другой бы на вашемъ мѣстѣ уже давно умеръ»... Нѣтъ,—безусловно насталь «кагири» (предѣль, конецъ!)»...

«И все же, какъ бы хотѣлось сбросить съ себя лѣтъ 30—35, и стать опять вотъ такимъ, какъ вы!.. Сидишь и считаешь... Да неужели же въ самомъ дѣлѣ тебѣ 75?! Но какъ ни считай, а все выходитъ 75... Да когда же пролетѣло время-то?.. Вѣдь все прошлое кажется такимъ недавнимъ, какъ будто я его только что пережилъ!»...

«Эхъ, начать бы теперь лѣтъ 40... Болѣе молодыхъ годовъ не желаю... Церковь уже начата... И приличная церковь... Чтобы ни говорили, а тысяча 20 во всякомъ случаѣ будетъ... Теперь настало время ее украшать, развивать, упорядочивать... Презанимательная работа!.. Весь бы ушелъ въ нее... Вотъ бы поработалъ-то»...

«А слышали, что не такъ давно католическій архіепископъ умеръ?.. Да... Почти въ одно время съ нимъ мы заболѣли... Совершенно поправился было... Но неожиданное осложненіе, и умеръ... Еще всѣ газеты тогда писали, что оба-де умираютъ... Онъ уже умеръ... А я пока отвертѣлся»...

«Кстати, вамъ два слова о католикахъ... Въ Хакодате это было... Католическіе миссіонеры приходили въ гости въ Русское консульство... Ихъ кто-то и спрашиваетъ, какъ они смотрятъ на успѣхъ православія въ Японіи... Что же они отвѣтили?.. «Да,—сдѣлано много; но все это есть личное дѣло Николая; все это есть, пока живъ Николай... Не станеть Николая,—и дѣло рухнетъ. . . Да развѣ у насъ здѣсь «Николаево дѣло?» Тьфу! Тьфу!.. Не Николаево дѣло!.. Божье дѣло!.. Богъ дѣло началъ... Богъ церковь созидаль... А мы лишь Его недостойные слуги... Что въ насъ есть такого, чтобы не отъ Бога?.. «Что ты имѣешь, чего бы не получилъ»... Помните, у апостола Павла (I Кор. 4. 7). А что Богъ именно мнѣ или вамъ далъ, такъ въ этомъ нашей заслуги ни на волосокъ!.. Развѣ есть какая-нибудь заслуга у сохи, которою крестьянинъ вспахаль поле?.. Развѣ можетъ она хвалиться: «глядите-ка, православные, что я надѣлала!».. Хорошо вспахано.. Развѣ кто-нибудь скажетъ: «хорошо соха вспахала?.. Всѣ скажутъ: «молодецъ мужичекъ.. Ловко вспахаль»... Такъ и здѣсь... Николай... Сергій... Роль наша не выше роли сохи. . Вотъ крестьянинъ попахаль-попахаль, соха износилась... Опъ ее и бросилъ... Износился и я... И меня бросять... Новая соха пахать начнетъ... Такъ смотрите же,

пашите!.. Честно пашите!.. Неустанно пашите! Пусть Божье дѣло растетъ!.. Пусть посрамятся католики... Дайте слово!.. Такъ смотрите же,—не измѣните!..

«А все таки, пріятно, что именно тобой Богъ пахаль... Значить,—и ты не заржавѣль.. Значить, за работой на Божьей нивѣ и твоя душа нѣсколько очистилась... И за сіе будемъ всегда Бога благодарить»...

«Николай... Николай... Николаево дѣло... Увы,—и въ Россіи это говорятъ... Неправда!.. Тысячу разъ неправда!.. Божье дѣло!.. Божье дѣло!.. Въ Россіи много про меня пишутъ... Только все, что пишутъ—идеализація!.. Издали не видно,—вотъ и пишутъ... А вблизи посмотрѣли бы,—плюнуть, да отойти!.. Вотъ, что такое Николай!.. Ко мнѣ-то всѣ сіи похвалы не пристануть... Но если черезъ меня что-нибудь перепадетъ на сторону Православной Церкви, истинно былъ бы радъ»...

Однако, комнату уже давно приготовили, и Владыка, прервавъ свою бесѣду, поспѣшилъ къ своему столу и сѣлъ за составленіе отчета...

26 янв. (8 февр.).

Съ ранняго утра Владыка сидѣлъ за отчетомъ... «Самый серьезный моментъ... Итоги подвожу... Пожалуйста, не спутайте меня!.. Самъ спутаюсь»...—говорилъ онъ, когда я временами заглядывалъ къ нему... Сестра милосердія, по обычаю, сидѣла на стулѣ за его кресломъ и временами смотрѣла его пульсъ и мѣрила температуру... Видъ у Владыки бодрый, дѣловой... Никто не повѣрилъ бы, что это присужденный къ скорой смерти старецъ... Но сестра неизмѣнно провожала меня на корридоръ, и качая головой говорила: «силы Дай-Сюкео слабѣють съ каждымъ днемъ»...

Днемъ была спѣвка... На этотъ разъ по старому, въ комнатѣ, почти сосѣдней съ Владыкой... Спѣли нарочито для Владыки. «На рѣкахъ Вавилонскихъ». Но исполненіе Владыкѣ весьма не понравилось... Слишкомъ де тянули...

Но вотъ и опять вечеръ... Со стенами Владыка перешель въ гостинную... И опять полились разговоры, изъ коихъ, конечно, лишь нѣкая часть записывается сюда...

Отслужилъ я свои 50 лѣтъ... Теперь вы свою долю отслуживайте... Почти 4 отслужили... Немного и осталось... По-

больше 40 лѣтъ... Не смѣйтесь,—быстро пролетитъ время!.. Такъ не сбѣжите отсюда?.. То-то, смотрите!..

«Забудьте, что *тамъ* и были... Умрите для службы *тамъ*... Знайте только Японскую церковь... И главное: *уважайте* свое служеніе... Наше дѣло большое здѣсь!»...

«Да, истинно Богъ васъ сюда послалъ... И какъ разъ во время... Церкви вами почти всѣ посѣщены... Служащихъ церкви почти всѣхъ вы узнали... Всюду и всѣ-то васъ полюбили... Вотъ, смотрите-ка, опять спрашиваютъ, да когда же вы прѣдете... Правда, хозяйства миссійскаго вы не изучили... Но кой что я вамъ покажу... А впрочемъ,—все сами найдете!.. Не велика мудрость!.. И меня похороните... Да, вѣрю, что Богъ послалъ мнѣ васъ на утѣшеніе». Даже стыдно было слышать эти рѣчи Владыки, съ коимъ мы такъ мирно, такъ дружно, ничего не дѣлая, но во всемъ взаимно помогая, трудились нѣкоторое время... Все же, мнѣ Богъ такую радость далъ въ теченіе почти 4 лѣтъ..

Заговорили о душѣ... Глубоко вѣрующій, съ великимъ смиреніемъ о себѣ говорившій Владыка, и здѣсь такъ низко оцѣнивалъ себя!.. Отдавая каждую минуту дѣлу Божьему, душѣ полезному, онъ говорилъ...: «все хозяйство и хозяйство!.. Нѣкогда о душѣ-то и подумать... А право преинтересно, *что и какъ тамъ*, на небѣ... Скоро все узнаю... И въ этомъ отношеніи я много счастливѣе васъ»...

Снова заговорили о церкви...: «Чтобы ни говорили, а ученіе Христово на добрую почву здѣсь падало... Я свои 50 лѣтъ отслужилъ... Первый періодъ кончилъ... Теперь вы новый періодъ жизни церкви начинайте... Что уже есть,—объединяйте... распозались, что раки по разнымъ коннамъ страны и міра!.. Объединенное воодушевляйте... Вѣдь развѣ не помогаль нашей немощи, нашей нищетѣ и тѣлесной и духовной Богъ?.. И въ семъ наше утѣшеніе... Да добрыми обычаями церковь украшайте... Съ меня достаточно было и того, что я хоть ученіе-то вливалъ...

«Кстаги,—строить церкви будете, примите за правило: не разрѣшать строить безъ алтаря и престола... И вѣрьте, скоро ваши усилія увѣнчаются успѣхомъ... Вотъ уже строить настоящую церковь въ Сюзендзи... Пусть такую же церковь, а не молитвенный домъ, строить потомъ и въ Тоѣхаси...

«Ради Бога, располагайте вездѣ, чтобы хрістіане жертвовали на іереевъ, на катихизаторовъ, на молитвенные дома:

истинно говорю: останемся когда-нибудь мы безъ гроша!.. Въдь кто сейчасъ засѣдаетъ въ Думѣ-то! На что угодно дадутъ! Только на Бога, на Церковь не дадутъ!.. Да и не все же нашей церкви ходить на костыляхъ!... Уже не ребенокъ, чтобы въ помочахъ нуждалась»...

Однако, опять открылась дверь... Значить, комната прибрана... Владыка, всегда точный, моментально оборвалъ разговоръ: «ну, покойной ночи!.. Поужинаю, да и за дѣло»... А Владыку всетаки доктора заставили ужинать... И онъ имъ подчинился...

27 янв. (9 февр.).

Къ полудню еще ранѣе законченный отчетъ былъ уже Владыкою переписанъ въ одномъ экземплярѣ... Переписанъ ясно, твердо... Вызываетъ звонкомъ меня... «Всегда я самъ переписывалъ отчетъ въ трехъ экземплярахъ: одинъ, оригиналъ, для Миссійскаго архива, и по экземпляру въ Св. Синодъ и въ Миссіонерское Общество... Но нынче, сами видите, силъ нѣтъ... Никогда никому не довѣрялъ этой работы... Правда, разъ какъ-то переписывала граф. Путятина... Ну, а теперь ужъ будьте добры, помогите... Перепишите... Когда сможете?.. Примите во вниманіе, что доктора торопятъ меня умирать»...

Когда же я сказалъ, что беру на экземпляръ по одному дню и постараюсь переписать строка въ строку, чтобы не передѣлывать постраничныхъ итоговъ, старецъ страшно обрадовался: «Ой-ли?! Такъ скоро?.. Но тогда мы сразу и отошлемъ... И душа моя успокоится»...

Я сразу же сѣлъ за переписку... И переписка весьма сократила на день два часа моего общенія съ Владыкой. Владыка же сѣлъ за слѣдующее срочное дѣло,—нужно было отвѣтить на нѣкоторыя срочныя письма... Первымъ письмомъ было письмо къ Н. П. Комарову, секретарю Миссіонерскаго Общества... Посовѣтовавшись со мной, Владыка рѣшилъ написать, что намъ особаго позолотчика для исправленія иконостаса изъ Россіи не нужно... Въ связи же съ предстоящими работами по украшенію собора написанными въ Москвѣ на линолеумѣ картинами, Владыка рѣшилъ вызвать архитектора Кондерь и ему поручить ремонтъ собора.

28 янв. (10 февр.).

Когда я пришелъ къ Владыкѣ съ обычнымъ утреннимъ визитомъ, онъ подаль мнѣ большой пакетъ, со словами: «почи-

тайте-ка»... Это былъ пакетъ отъ нашей благотворительницы Кс. Ѳ. Колесниковой... Пишетъ Владыкѣ, что она съ мужемъ жертвуетъ на постройку церкви въ Хакодате 3,000 енъ, и спрашиваетъ лишь, чѣмъ лучше—деньгами или вещами... Посоветовались мы съ Владыкой... Безъ денегъ церкви не построить... Вещи же, въ крайнемъ случаѣ, плохенькія, можно всегда найти... Рѣшили просить прислать 3,000 енъ деньгами...

Владыку эта жертва необыкновенно обрадовала... Такъ онъ скорбѣлъ, ничего почти не получая въ послѣднее время на постройку церкви въ Хакодате... И вдругъ сія жертва!.. «Богъ добраго дѣла безъ помощи не оставляетъ никогда... Всегда какую-нибудь добрую душу къ жертвѣ расположить»...—говорилъ Владыка. Немедленно же онъ рѣшилъ послать отвѣтъ по содержанію сего пакета.

Я весь день переписывалъ отчетъ... Когда я пришелъ къ Владыкѣ послѣ всенощной, у него было уже готово пока одно только письмо Н. П. Комарову... Прочиталъ онъ мнѣ это письмо... Поразила меня какая-то отрывочность, и слишкомъ большая дѣловитость сего письма. Почеркъ письма совершенно твердый... «Одобряете?.. Итакъ посылаю!.. Приписать развѣ, что дальнѣйшую переписку придется ему вести съ вами?.. Впрочемъ, онъ ничего не знаетъ о моей болѣзни... Не знаетъ, что я умираю... Еще пожалуй подумаетъ, что я на что-нибудь разсердился... Ничего не буду приписывать»... Письмо здѣсь же было запечатано и сразу послано на почту.

29 янв. (11 февр.).

Воскресенье... Праздникъ «Кигенсецу», основанія Японской имперіи... Я служилъ обѣдню и послѣ нея благодарственный молебенъ. Служба затянулась. Къ 2 час. дня я уже доставилъ Владыкѣ въ переписанномъ видѣ 2 экземпляра отчета... На смѣну онъ далъ мнѣ переписать два донесенія, посылаемые при отчетахъ, одно въ Св. Синодъ, другое въ Миссіонерское Общество... Они заняли у меня и воскресенье до полуночи, и понедѣльникъ съ ранняго утра... Много бесѣдовать съ Владыкой поэтому не удалось...

Вечеромъ Владыка написалъ письмо К. О. Колесниковой... Въ минуты отдыха читалъ газеты... Какъ разъ попалъ № «Моск. Вѣд.» отъ 14 янв. съ телеграммой изъ Тоокёо о его болѣзни... «Кто бы могъ это послать?.. Не знаете?.. Не можетъ же быть,

что бы Г. Т. Назаровъ!.. Онъ ко мнѣ хорошо относится... Да и помѣтка «отъ собст. корр.»... Впрочемъ, вѣдь все напечатанное правда... Положеніе мое тяжелое... Дай Богъ до Пасхи дотянуть!.. А есть и польза отъ телеграммы: узнають въ Россіи о болѣзни.—быть можетъ кто нибудь за меня и помолится».

30 янв. (12 февр.).

Отчеты сегодня къ 11 час. утра мною переписаны. Владыкой они просмотрѣны и подписаны... Подписаны не только твердо, но и красиво... Подписаны имъ и донесенія въ Св. Синодъ и Мисс. Общество... Готовы, наконецъ, и конверты... «На 17 лѣтъ вѣдь я бумаги и конвертовъ заготовилъ!.. Но не пришлось мнѣ ими попользоваться!.. Но вамъ надолго безпокойства не будетъ: всѣмъ этимъ вы обезпечены»...

«А теперь учитесь готовить росписки къ отсылкѣ»... И началось настоящее обученіе. Едва ли оно не было роковымъ для Владыки!.. Владыка вынулъ ящикъ изъ стола, освободилъ его отъ вещей и поставилъ на столъ... Затѣмъ, постоянно нагибаясь, Владыка бралъ съ койки росписки къ какой нибудь статьѣ расхода, и укладывалъ ихъ въ уголъ стола такъ, что двѣ ихъ стороны всегда получались, конечно, равными. А вѣдь росписокъ сотни. Въ одной, напр., пачкѣ что-то свыше 800... Столько значить разъ наклонился и опять разогнулся Владыка..

«Позвольте теперь мнѣ, говорю... Я технику дѣла усвоилъ»... «Погодите... Смотрите и учитесь... Вотъ, всегда такъ же упаковывайте»...,—отвѣчаетъ.

Росписки по статьѣ уложены... «А теперь учитесь спивать ихъ»... И вотъ, самъ Владыка, не смотря ни на какіе протесты, нажимаетъ ихъ рукой вмѣсто пресса, и за неимѣніемъ машинки, протыкаетъ для длинной кнопки отверстіе перочиннымъ ножомъ... Сколько нужно и здоровому-то человѣку усилій, чтобы сдѣлать такую работу!.. И конечно, Владыка ничего не смогъ, а лишь порѣзалъ палець... Пришлось залѣпить его пластыремъ... Додѣлалъ эту работу, равно и подобралъ всѣ прочія пачки документовъ я... Владыка же сидѣлъ, задыхаясь, и послѣ каждой пачки выдавалъ мнѣ шутливо аттестатъ: «коо», т. е. высшая отмѣтка...

Это «обученіе» меня искусству подбирать и шивать росписки сдѣлало то, что среди дня пришлось дѣлать впрыскиваніе

для успокоенія его сердца... Но оставовить Владыку отъ такой работы ни у кого силъ не было.

Настало время обѣда... Подаеть мнѣ слуга на первое блюдо «нѣчто» и говоритъ: «бурины»... Лишь по внѣшнему подобію я понялъ, что онъ такъ назвалъ мнѣ «блины»: вѣдь уже маслянипа... Но неужели и у Владыки блины?... Оказывается, по его-то заказу они и сдѣланы... И каждый годъ онъ заказывалъ себѣ непременно «бурины»... И ѣлъ то, что ему подавали вмѣсто блиновъ... Я попробовалъ; но ѣсть отказался... Однако раздаеться звонокъ, меня зоветъ Владыка. «Сегодня блины... И вотъ принесенная вами икра... Видите, пригодилась!.. Но не могу же я одинъ ее ѣсть!.. Садитесь, и вмѣстѣ кушайте»... Угощаетъ Владыка. Я отказался, сославшись, что уже весьма напился... Но Владыка ѣлъ безъ аппетита, но достаточно.

А результатъ неизбѣженъ... И всегда-то Владыка чувствовалъ, что его желудокъ плохъ... Во время болѣзни всегда принималъ желудочное лекарство.. Разстроился желудокъ и теперь...

Когда я пришелъ къ Владыкѣ въ обычный часъ, т. е. около 6 ч. вечера, его видъ поразилъ меня... Сильная одышка, страшная усталость, необыкновенная слабость... «Ну,—опять начинается!.. Вотъ, такъ же скверно было, когда я увѣзжалъ въ госпиталь!.. Но теперь, вѣроятно, ужъ конецъ... Не безъ причины же Блиссъ попросилъ у меня мою карточку... И такъ трогательно просилъ!.. Ясно, что отъ умирающаго пациента на память... Да и въ самомъ дѣлѣ, хоть бы конецъ скорѣе! Невыносимыя страданія... Серьезно говорю: страдаю... Смотрите, будете писать некрологъ, упомяните, что я предъ смертію страдалъ»... Все это говорилоь среди страданій, но съ такимъ юморомъ, что я не удержался, чтобы не сказать: «Владыка, да не охайте вы такъ часто!.. Будьте духомъ пободрѣ... И не такъ велики будутъ страданія»... Но Владыка, схватившись за грудь и смѣясь отвѣтилъ: «ну, и дожилъ!.. Умираешь, и то не вѣрять... Вотъ, что значить: не болѣлъ и долго жилъ»...

Веселое подъ конецъ бесѣды настроеніе Владыки такъ не вязалось съ его дѣйствительно сильными въ этотъ день страданіями!..

Возвратился онъ въ кабинетъ Первое, попавшееся ему на глаза, сестра милосердія... «Уже 8 лѣтъ служить сестрой милосердія.. Ухаживала за русскими плѣнными... Тридцать

человѣкъ черезъ ея руки отправились уже на тотъ свѣтъ. А я буду 31-мъ... Тѣ же слова повторилъ онъ и сестрѣ, съ такой любовью ухаживавшей за Владыкой...

Передъ сномъ, желая ослабить свои страданія, Владыка просилъ ванны... Но такъ какъ ему ея не разрѣшили, то онъ настоялъ все таки хотя на томъ, чтобы вымыться горячей водой. Выходить на корридоръ было не безопасно. Идти же до ванны было весьма опасно.. Поэтому пришлось въ комнату разослать непромокаемую бумагу... Владыка самъ вымылъ себѣ голову горячей водой, а слуга обтеръ его теплой водой... Какъ будто съ вечера нѣкое облегченіе наступило...

31 январ. (13 февр.).

Послѣ ранней Литургіи пришелъ къ Владыкѣ около 8 час. утра... Онъ сидѣлъ въ гостинной и пилъ чай... На мой вопросъ, какъ онъ себя чувствуетъ, сначала онъ ничего не отвѣчалъ, а потомъ, по обычаю, заявилъ: «не спрашивайте, пожалуйста, меня о болѣзни... Вы знаете, что я первый ее ненавижу.. Видите, придерживаясь за стулья хожу... Значить, плохо».

Видя, что Владыка очень слабъ, я поспѣшилъ оставить его, сказавъ: «пойду заниматься съ учителемъ; пока до свиданья»... Но неожиданно Владыка говоритъ мнѣ: «вы должны подавать во всемъ примѣръ христіанамъ, и сегодня заниматься не слѣдуетъ»...—«Да почему же не слѣдуетъ заниматься?»—недоумѣваю я... «Да вѣдь сегодня же воскресенье!.. А вы хотите заниматься!».. Ясно, что Владыка былъ въ бреду... Я немедленно сообщилъ это наблюденіе сестрѣ милосердія, но и она лишь подтвердила, что сегодня у Владыки сознание не вполне ясное, и что съ третьяго дня ему гораздо хуже...

Въ 9 час. утра былъ у Владыки докторъ Блиссъ... Непосредственно за нимъ зашелъ къ Владыкѣ и я... Встрѣтилъ меня словами: «былъ докторъ. Худого не нашель... Но ослабъ я!.. Совсѣмъ ослабъ!.. А много ли народу было въ церкви?.. И почему по окончаніи Литургіи не трезвонили, какъ обычно?.. А я-то поджидалъ»... Видя, что бредовое состояніе еще продолжается, и помня совѣтъ доктора Тейслеръ не продолжать разговора при бредѣ больного на тему бреда, я пошелъ домой, а Владыку убѣдили прилечь и отдохнуть... Спалъ, или лежалъ онъ до 11 часовъ... Началась спѣвка... Зацѣли любимое Вла-

дыкою «На рѣкахъ вавилонскихъ»... Въ это время я пришелъ къ Владыкѣ за ключами отъ библиотеки... Онъ сидѣлъ на креслѣ, поднявъ ноги по совѣту доктора на койку, и охаль...

Послѣ 4 час. дня, наконецъ, полное сознаніе возвратилось къ Владыкѣ... Оказывается, онъ послѣ обѣда поспалъ, и уже успѣлъ надписать нѣсколько адресовъ на пакетахъ, отправляемыхъ въ Миссіонерское Общество... Когда я пришелъ къ Владыкѣ, нашелъ его сильно взволнованнымъ... Онъ писалъ чекъ... «По утрамъ я слабѣю, поэтому пишу сегодня... А двѣ хакодатскія суммы, коимъ сегодня истекъ срокъ переписываю на ваше имя... И пожалуста не отказывайтесь! Видите,—умираю!.. Все равно чрезъ мѣсяцъ вамъ все придется брать въ руки... Смотрите на дѣло мужественно»...

Дѣлать нечего, пришлось дать согласіе переписывать суммы, коимъ выходить въ банкахъ срокъ, на мое имя, о чемъ особымъ письмомъ Владыка и увѣдомилъ банки... Переписалъ на мое имя Владыка въ этотъ же день и суммы, находившіяся на текущемъ счету... Тяжело было давать согласіе на эту переписку. Отъ живого еще, что послѣ мертваго, принимаешь наслѣдство...

Въ 6-мъ часу, пока прибирали кабинетъ, Владыка опять бесѣдовалъ со мной въ гостиной, сидя на диванѣ...

«Вѣдь вотъ... Едва уже хожу... А хотѣлось бы прожить еще? лѣтъ съ 10... Только во вкусъ переводовъ вошелъ... Гола черезъ два принимайтесь и вы... И прежде всего за каноникъ... Молитвы ко причащенію, молитвы по причащеніи уже есть... Утреннія и вечернія тоже есть... Акаѳистъ Пресвятой Богородицы найдете тамъ... Переведенъ... Нѣтъ другихъ канонновъ и акаѳистовъ... Но послѣдніе—одни слова, и для перевода нетрудные... А ирмосы есть уже въ Ирмологіи... Словомъ, для начала работа по силамъ...

«А страшно умирать!.. Охъ, какъ страшно умирать!.. Этого-то, тѣла, не жалко... умерь, и ладно... Но вѣдь попадешь-то куда?! Обязательно въ «дзигоку», да еще на самое дно!.. «Если праведникъ едва спасется, то нечестивый и грѣшный гдѣ явится» (I Петра, 4, 18).

Я имѣлъ великое счастье принимать исповѣдь сего праведника... Исповѣдался онъ мнѣ передъ праздникомъ Рождества Христова... И услышанныя мною слова великаго смиренія сильно поразили меня... «Ужь если вы, Владыка, такъ говорите о себѣ, то намъ-то, грѣшнѣйшимъ паче всѣхъ чело-

вѣкъ, гдѣ придется быть?.. Однако, и мы питаемъ надежду на милосердіе Божіе»... Рѣшили еще разъ исповѣдаться взаимно, по обычаю, съ наступленіемъ дней Великаго Поста..

«Смотрю назадъ... Все въ какомъ-то туманѣ... Что хорошаго я сдѣлалъ?.. Ничего!.. Искренне говорю: ничего!.. Молиться, какъ слѣдуетъ, не умѣю... Не трудился столько, сколько нужно было для пользы церкви... Весь уходилъ въ хозяйство».

«А похороните-то меня всетаки поближе къ собору. Напр. за паркомъ Уено, въ Янака. И отъ собора недалеко.. И христіанъ тамъ немало... Въ Россіи, конечно, архіереевъ хоронятъ въ соборахъ... А здѣсь!.. Гдѣ ужъ!.. Язычники скажутъ: городъ заразить»...

«Ну, да будетъ хныкать!.. Что нибудь расскажите лучше... Вотъ, въ Хакодате бывало... Скучно станеть,—прямо къ псаломщику Сартову: расскажи что-нибудь»...

Но не до рассказовъ было... Не такъ настроена была душа. Да и сестра милосердія открыла дверь и узнала Владыку завтракать... Мы простились...

Утромъ въ этотъ же день Владыка получилъ изъ С.-Петербурга телеграмму: «молимся о здравіи вашемъ. Саблеръ. Малевскій»... Владыка долго держалъ телеграмму въ рукахъ: «какъ мило!.. Какъ трогательно!.. Но отвѣчать что же?.. Не писать же: умираю»!..

1 (14) февраля.

По обычаю, къ Владыкѣ пришелъ около 8 час. утра. Пилъ чай... Поздоровались... «Пожалуста, и за меня помолитесь»,—говорить, видимо полагая, что я, иду къ Литургіи, Владыка...

Въ десятомъ часу самъ позвонилъ ко мнѣ. Прихожу.. Онъ показываетъ мнѣ написанный имъ на бандероли адресъ и говоритъ: «разберите-ка, куда нужно пакетъ сей направить!.. По-русски «С.-Петербургъ», а по-англійски «Москва»... Далѣе-то смотрите: письмо І. І. Деткину.. А пишу «Лиховъ переулокъ»... Каково? Совсѣмъ памяти не стало!.. Совсѣмъ умираю!.. Ну,—что бы сталъ дѣлать почтальонъ съ такимъ письмомъ?.. А??»

Видя, что Владыка работаетъ, не будучи въ полномъ сознаніи, я прошу позволенія написать адресъ... «Ахъ, нѣтъ!.. Я дѣлаю надъ собой опыты... Пишу, и думаю: не ошибусь... И какъ разъ въ эту-то именно минуту и соврешь»...

«Сегодня воскресенье?»—спрашивает Владыка... «Да нѣтъ же; сегодня среда»,—отвѣчаю... — «Вотъ, все спуталъ!.. А сколько времени сейчасъ?».. «11-й ч.»—отвѣчаю... «А мнѣ все кажется, что уже послѣ обѣда!».. «А какое же число сегодня?»..—продолжаетъ спрашивать Владыка... «Число 1-е... Завтра Стрѣтеніе Господне»... «Такъ сегодня не 31-е?».. На этомъ мы и простились пока...

Около 12 часовъ я зашелъ доложить Владыкѣ, что съѣздили въ банкъ, и тамъ все согласились сдѣлать согласно съ письмомъ Владыки... Владыка мнѣ жаловался: «Опять трудно дышать!.. Видимо, начинается та же болѣзнь, что была и до госпиталя»...

Въ 3 часа былъ докторъ Хоріуци изъ госпиталя... Нашелъ состояние сердца Владыки очень худымъ... Сдѣлалъ впрыскиванія... Далъ сестрѣ наставленія «на всякій случай»... На вопросъ, есть ли опасность, отвѣтилъ, что непосредственной опасности нѣтъ, но что положеніе очень серьезное... До завтра ручается... А далѣе все возможно»...

Въ 5 час. веч. Владыка прислалъ мнѣ книжку сберегательной кассы... Я былъ у него сразу же послѣ сего... Читаетъ съ интересомъ Православный Благовѣстникъ... Сознаніе ясное... «Ходятъ доктора... Только мнѣ мѣшаютъ... Хотъ бы хуже было, что ли... А то,—какая-то неопредѣленность»...

Поговорили о предстоящей всенощной... На этотъ разъ Владыка вполне разобрался въ числахъ и дняхъ, и отмѣнилъ назначенныя на вечеръ занятія съ Накаемъ...

Направляясь въ церковь, зашелъ къ Владыкѣ: «весьма сегодня скверно... Помолитесь за меня»... Только и сказалъ, и охая поднялъ ноги на кровать... Съ 8 час. веч. Владыка заснулъ, сидя въ креслѣ...

2 (15) февраля.

За 15 мин. до службы зашелъ къ Владыкѣ... Въ гостинной на столѣ стоитъ приготовленный стаканъ чаю... Владыка, со страдальческимъ выраженіемъ лица, стоитъ рядомъ со столомъ, положивъ руки на края стола.: «Совсѣмъ ослабъ!.. Мопиронъ, аруку кото га декимасень (т. е. разумѣется, ходить не могу),—заявляетъ Владыка, тяжело дыша... «Варуи десь», т. е. «плохъ», говоритъ и сестра милосердія...

Я говорю Владыкѣ: «иду служить Литургію... Помолюсь горячо и за васъ». «А сколько же теперь времени?»—спра-

шиваетъ Владыка... «Безъ 10 мин. 9 ч.», отвѣчаю... Владыка перекрестился широкимъ крестомъ, и низко до пояса, японски, мнѣ поклонился... Я вышелъ изъ комнаты и телефономъ непремѣнно просилъ главнаго врача госпиталя прибыть въ Суругадай сегодня...

По окончаніи Литургіи я опять зашелъ къ Владыкѣ... «душить, страшно душить», жалуется, полулежа въ креслѣ... Лежитъ распечатанная телеграмма... Я спрашиваю: «отъ кого»... «Не читаль... Прочитайте»... Читаю... «Скорблю душою, узнавъ о вашей болѣзни; молю Бога о скоромъ выздоровленіи; радуюсь сообщить о новомъ пожертвованіи. Графиня Шувалова»... Владыка оживился... Перекрестился... «Слава Богу!.. А сколько»?.. Я отвѣчаю, что ничего не написано. Владыка еще разъ перекрестился... И невольно мнѣ вспомнились его слова: «прислалъ бы кто-нибудь на церковь хакодатскую, прошли бы всѣ боли»...

Въ 4-мъ часу дня былъ у Владыки Тейслеръ... Что онъ пашелъ, неизвѣстно. Но на вопросъ Владыки: «проживу ли еще съ мѣсяцъ»,—отвѣтилъ, что его болѣзнь не къ смерти, что сердце исправилось, и что онъ при его организмѣ можетъ прожить еще лѣтъ съ 10... Сестрѣ же милосердія Тейслеръ далъ разныя инструкціи на случай осложненій... Несомнѣнно, что Владыка Тейслеру повѣрилъ совершенно. И когда я къ нему входилъ въ комнаты, онъ, застегивая подрясникъ и прогуливаясь по кабинету, необыкновенно весело говоритъ мнѣ: «А я только что хотѣлъ посылать за вами!.. Можете меня поздравить... Сердце исправилось, и мы еще вмѣстѣ проживемъ... Можетъ быть даже лѣтъ 10... Итакъ, съ завтра же принимаюсь за переводъ... какъ ихъ называютъ... вотъ вѣдь забылъ»... «Миней»,—подсказываю я... «Вотъ именно, займусь съ завтра переводомъ Миней... Будетъ даромъ дорогое время терять»!..

Весьма Владыка началъ шутить... «А эта болтушка (показывая на сестру) «теки-суру кото нака-нака дзёодзу десь», т. е. въ свободномъ переводѣ: «ловко со мной справляется»... Поставить градусникъ подъ мышку... Держите, говорить... И не двигайтесь... Уже 10 минутъ прошло, 15. 25 минутъ прошло... А она все свое: не двигайтесь... И приходится подчиняться... Вотъ, думаешь, взяла градусникъ... Могу я поработать... А она какъ разъ за руку... Пульсъ, изволите видѣть, свидѣтельствуетъ... И опять 10 мин., 15 мин... Попросту обманываетъ, заставляя отдыхать»... Все это говорилъ со смѣхомъ,

все время показывая на сестру... Та смутилась.. Пришлось ей перевести разговоръ... Тогда и сестра засмѣялась... Вѣроятно, такъ и было когда-нибудь...

Владыка сѣлъ на кресло... Дышать тяжело... Потъ на лбу, на щекахъ... Рядомъ стоитъ сестра, и поминутно вытирая полотенцемъ потъ съ лица Владыки, ласково упрасиваетъ Владыку быть «отонасику», т. е. потише... Но не успокоивается Владыка и продолжаетъ шутить... Вотъ онъ протягиваетъ лѣвую руку и пробуетъ взять легкій прессъ... Но пальцы не могутъ удержать пресса... Онъ вываливается... Тогда онъ пробуетъ лѣвой рукой взять газеты... Пальцы двигаются свободно, но удержать бумаги не могутъ... «Смотрите, чюубу начинается... Параличъ начинается», полусмѣясь говоритъ Владыка.. Сестра успокаиваетъ его: это де результатъ постоянныхъ впрыскиваній неизмѣнно въ лѣвую сторону груди... Владыка повѣрилъ.. Да и я повѣрилъ...

Владыка начинаетъ планировать работу ближайшихъ дней... Прежде всего письмо г-жѣ Крестовниковой, граф. Шуваловой... «Спасибо послѣдней... Но до тѣхъ поръ, пока не соберется 25 тысячъ, строить еще нельзя»...

Незамѣтно подошло время уборки комнатъ... Мы перешли въ залъ... Усѣлись... «Посмотрите-ка на обои!.. Чѣмъ не хороши?.. А купилъ ихъ еще о. Анатолій... И служить они мнѣ ровно 32 года... Вѣдь еще хороши,—не правда ли»...

Стѣны почти сплошь завѣшаны картинами... Я и говорю: «если бы вы и еще понавѣсили картинъ, то обои выглядѣли бы совсѣмъ хорошо»... Владыка засмѣялся... «Разумѣется... Не первой свѣжести... Но они говорятъ о моемъ постоянствѣ»...

Налѣво у дивана виситъ большой портретъ мальчика... Владыка началъ рассказывать его исторію... Это—сынъ маркиза Сайго, христіанинъ, принявшій крещеніе въ Петербургѣ, гдѣ онъ воспитывался съ сыномъ посланника Струве... Впрочемъ Владыка фамилію Струве долго не могъ вспомнить... Я прошу его продолжить разговоръ безъ фамиліи... Не соглашается... «Нѣтъ, умираю... Видите, и памяти нѣтъ!.. А заставлю себя вспомнить»... И вспомнилъ...

Настроеніе Владыки какъ-то быстро перемѣнилось... Много мы говорили... Владыка наставлялъ меня, послѣ его смерти непременно исполнить слѣдующее: а) катихизаторамъ послѣ ихъ проповѣдей въ Церкви дѣлать сразу же замѣчанія, если таковыя нужны, не откладывая въ долгій ящикъ; б) и катихи-

заторовъ непременно приглашать на проповѣдническія собранія въ семинарію; в) самому начинать проповѣди въ Суругадайскомъ соборѣ..., ибо я доселѣ проповѣдывалъ всюду, только не въ Суругадайскомъ соборѣ...; г) слѣдить, чтобы сторожа не опаздывали со звономъ, иначе—штрафовать ихъ... Это подъ впечатлѣніемъ сегодняшняго опозданія на 15 минутъ...; д) частныя панихиды служить, лишь давъ всѣмъ крестъ... Это по поводу отслуженной сегодня въ присутствіи всѣхъ панихиды по одной учительницѣ Женской Школы... Въ 7-мъ часу простились... Меня Владыка просилъ зайти къ нему еще разъ предъ сномъ... И я зашелъ въ 8 часовъ. Но Владыка уже спалъ, лежа на кровати... Въ виду добраго вида, въ коемъ я оставилъ Владыку, прощаясь съ нимъ, я рѣшилъ впервые во время болѣзни выспаться... Вѣдь каждую ночь полудремалъ, въ ожиданіи сначала телефона изъ больницы, потомъ—звонка изъ комнаты Владыки... И понятно, нервы совершенно истрепались... Въ 9 час. я легъ, и сразу же заснулъ мертвымъ сномъ...

3 (16) февраля.

Но не судилъ мнѣ Богъ выснаться въ эту ночь... Въ самую полночь вдругъ пять пронзительныхъ звонковъ, одинъ за другимъ, заставили меня буквально бѣжать въ квартиру Владыки... Это звала меня сестра милосердія. Оказалось, что Владыка ночью почему-то сползъ съ койки, и теперь лежалъ на полу, ногами къ койкѣ, головой къ окну... У меня даже есть предположеніе, не упалъ ли онъ, хотя сестра и увѣряетъ въ противномъ... Правда, знаковъ ушиба не оказалось... Владыка лежалъ на полу съ открытыми глазами, какъ будто что-то хотѣлъ говорить... Но ни одного звука раздѣльнаго я не услышалъ... Дыханіе тяжелое... Съ большими усиліями мы съ сестрой подняли Владыку на койку... Но онъ опять дѣлалъ ногами довольно рѣзкія движенія, дѣлая, видимо, попытки встать... Я сѣлъ въ ногахъ... Сестра около груди... Она сдѣлала вспрыскиваніе... Послѣ часа ожиданія Владыка постепенно закрылъ глаза и несомнѣнно заснулъ... Улучшился и пульсъ Владыки, весьма испортившійся было вслѣдствіе паденія на полъ...

Въ 6 час. утра у комнаты Владыки полная тишина... Видимо спитъ... Въ 7 ч. сестра встала, но Владыка продолжалъ еще спать... Зашелъ въ 9 час.,—Владыка еще не вставалъ...

Наконецъ сестра извѣстила меня, что Владыка всталъ, сѣлъ на койку, полуодѣлся... Но послѣ минутнаго размышленія опять легъ и спитъ... Совершенно же проснулся и всталъ Владыка лишь въ 11 час. утра,—случай съ нимъ доселѣ небывалый... Самъ вышелъ на корридоръ, гдѣ самъ же умылся... Пока прибирали комнату [спальня-кабинетъ], онъ въ гостиной выпилъ стаканъ чаю.

Прихожу къ нему я въ началѣ 12-го... Уже сидитъ у стола... Надѣты золотые очки... При моемъ входѣ обернулся ко мнѣ: «здравствуйте... Видите, какъ худо!... Едва дышу... Никогда не было такъ мучительно, какъ сегодня»... Видъ Владыки былъ нехорошій. . И мнѣ показалось даже, что онъ владѣеть языкомъ не столь свободно, какъ обычно... Да и говорить низкимъ тономъ...

Предъ Владыкой чековая книжка... На мое имя оставшуюся сумму переписали безъ чека, такъ какъ $\frac{0}{0}$ подсчитали лишь послѣ. Владыка сегодня долженъ былъ написать чекъ на сумму переводимыхъ имъ на меня денегъ, включая и $\frac{0}{0}$... Рука его не слушалась... И съ правой рукой сдѣлалось то же, что вчера было съ лѣвой... Однако, кое какъ и свою подпись, и сумму цифрами Владыка написалъ... Это есть послѣдній его автографъ... Я спросилъ Владыку, не могу ли быть ему чѣмъ полезнымъ, но онъ отвѣтилъ мнѣ: «идите съ Богомъ, и занимайтесь своимъ дѣломъ! А и я въ тишинѣ позаймусь»... Подписанный чекъ Владыка передалъ секретарю, чековую книжку положилъ въ несгораемый сундукъ: открыть его достало и силъ, и памяти... Подали ему обѣдать, но онъ отказался: «теперь не хочется... Немного послѣ»... И секретарю, и сестрѣ онъ жаловался, что ему сегодня тяжело... Въ 1 ч. дня Владыкѣ сдѣлали вспрыскиваніе, и онъ легъ спать... Проснуться долженъ былъ въ 4 часа дня...

Въ 4 часа меня вызываютъ звонкомъ... Думаю: Владыка проснулся... Но ошибаюсь... Владыка продолжаетъ спокойно спать, а сестра свидѣтельствуетъ его пульсъ и говорить, что онъ плохъ... Я остался въ комнатѣ Владыки. Скоро пришли священники о. Романъ Циба и о. Василій Усуй... Прибѣжалъ о. Петръ Кано... Владыка продолжалъ спать.. Иереи поражались, какъ тяжело онъ дышалъ. Но для меня-то новаго ничего не было... Да и самъ Владыка всегда шутилъ: «сплю, а въ горлѣ то флейта, то тромбонъ... Всякіе духовые инструменты»!... Сестра время отъ времени наклонялась надъ

Владыкой и громко спрашивала: «Дай-Сюкёо санъ! О-ме замени паримасита ка»? т. е. «Дай-Сюкёо, проснулись ли»? Но Владыка не отвѣчалъ... Вотъ уже и часъ прошелъ послѣ срока, а Владыка не просыпается... Сестра увѣряетъ, что еще какихъ-нибудь полчаса,—и Владыка пробудится... Посторонніе поэтому вышли... Остался на нѣкоторое время одинъ я... Постоянно свидѣтельствованіе пульса... Плохъ, но непосредственной опасности нѣтъ... Ждемъ съ минуты на минуту доктора...

Однако, вотъ уже и 6 часовъ... Ударили въ колоколь... Но и звонъ колокола на Владыку впечатлѣнія повидимому не произвелъ... Затривзвонили... Но Владыка продолжаетъ спать попрежнему глубокимъ сномъ...

Пришелъ священникъ о. Усуй. . Боясь, что Владыка проснется и разсердится, увидя посторонняго, усѣлся въ залъ... Я сѣлъ въ ногахъ Владыки и читалъ Акафистъ Божіей Матери...

Въ 6 час. 30 мин. буквально вбѣжалъ давно ожидаемый докторъ... Но не Блиссъ, и не Тейслеръ, а ассистентъ послѣдняго Хоріуци... Пульсъ очень слабый нашель... Вспрыскиваніе... Держа руку Владыки, совѣтуется съ сестрой, какого лекарства сколько прислать... Увѣряетъ, что сегодня опасности нѣтъ...

Однако опасность была ближе, чѣмъ предполагалось... Лицо доктора принимаетъ испуганное выраженіе: «Кикенъ», говорить, т. е. «опасность»... И начинаетъ снова вспрыскиванія... А я сталъ въ ногахъ Владыки на колѣни... Позвалъ и о. Василя Усуй... Онъ по-японски, а я по-русски начали читать молитвы на исходъ души... Слышенъ недолгій и несильный стонъ Владыки... Я продолжаю молиться... Смотрю преклонили свои колѣна и язычники докторъ и сестра... Молитва кончена... «Ровно въ 7 час. скончался», заявляетъ докторъ..

V.

Итакъ, 3 февраля въ 7 час. веч., а по-петербургски около 12 час. дня, не стало Высокопреосвященнаго Николая, архіепископа японскаго... Онъ мирно, безъ какихъ-либо предсмертныхъ страданій, но послѣ долгой и тяжелой болѣзни преставился ко Господу на 76-мъ году своей жизни, на 52-мъ году своего служенія Церкви Божіей, на 51-мъ году со времени своего прибытія въ Японію. Горько заплакалъ я,

стоя у постели Владыки, только что покинувшего меня одинокимъ... Одинъ... Сирота.. Никого-то на службѣ въ Церкви японской, кто хотя отчасти могъ бы понять мое горе!.. Уѣдешь бывало въ путешествіе... Гдѣ твой притягательный центръ, куда летать, и откуда получаются письма чуть не ежедневно?.. Въ Суругадаѣ, въ квартирѣ Владыки!.. Возвратишься на отдыхъ въ Тоокѳо... Съ кѣмъ безконечные разговоры о церковныхъ японскихъ дѣлахъ?.. Съ кѣмъ побесѣдуешь и о дѣлахъ личныхъ, и о дѣлахъ обще-русскихъ, особенно церковныхъ?.. Съ Владыкой!.. У кого былъ неисчерпаемый источникъ утѣшенія на всякую потребу?.. У него же!.. Словомъ, послѣдніе четыре года на 99⁰/₀ моя жизнь переплелась съ личностью Владыки... И вотъ я стою у его ногъ.. «Владыка, Владыка»!—зову я... Но молчитъ онъ... А только сейчасъ вотъ дышалъ, хотя и тяжело дышалъ... Тайна смерти... Тайна великая воли Божіей... Но сердцу отъ этого не было легче и оно плакало...

Въ 7 час. 15 мин. раздался съ колокольни, ударъ за ударомъ, звонъ нашего колокола... Даже не предупрежденные о смыслѣ 12 ударовъ (а они раздались въ Японіи по случаю смерти впервые) обитатели семинаріи и женской школы съ плачемъ прибѣжали въ миссію, гдѣ имъ сообщали печальную вѣсть.. Начались минуты незабвенныя, но душу раздиравшія... И теперь слезы на глазахъ, когда пишу о сихъ минутахъ... Открыта дверь въ гостинную... Открыта дверь изъ кабинета... Входя чрезъ гостинную, лентой тянутся сначала воспитанницы, за ними воспитанники... Нѣтъ человѣка, который не вытиралъ бы слезъ... А эти рыдающіе, эти горько плачущіе!.. Всѣ поклоняются Владыкѣ... Цѣлуютъ еще совершенно теплую его руку... А онъ спокойно спитъ... Да,—именно спитъ,—такое впечатлѣніе на всѣхъ производилъ его, совсѣмъ непохожій на мертваго, видъ...

По положенію, Владыку отерли св. елеемъ, привезеннымъ отъ св. мощей Угодника Божія Іоасафа о. прот. П. И. Булгаковымъ... Облачили Владыку въ полное архіерейское облаченіе изъ золотого глазета.. Затруднились было найти какую-либо изъ его санагій: не знали, гдѣ онъ ихъ хранилъ... Поэтому, я принесъ свою перламутровую, отъ Гроба Господня, съ изображеніемъ на ней Воскресенія Христова.. И не случайно Владыка, построившій нѣсколько Воскресенскихъ церквей, и во время болѣзни такъ часто бредившій «воскресе-

ніемъ», лежитъ въ могилѣ съ символомъ воскресенія на персяхъ своихъ...

Къ 10 часамъ успѣли уже прибыть нарочито извѣщенные посольскій о. протоіерей съ семьей, семья Назаровыхъ, семья Осиповыхъ, Мендрины, — т. е. тѣ немногіе русскіе, которые или живутъ въ Тоокёо, или въ этотъ вечеръ изъ Ёкхоама прибыли въ Тоокёо... Къ этой же порѣ въ женской школѣ уже приготовили легкій матрацъ изъ бѣлой матеріи, съ ватой, на который и положили тѣло Высокопреосвященнаго Святителя Божія, по перенесіи его въ Крестовую церковь, находящуюся какъ разъ надъ его квартирой, и въ сосѣдствѣ съ моею квартирой.

Начали первую панихиду уже близко къ 11 час. ночи... Необычный часъ... Переполненная до духоты церковь... Необыкновенное возбужденіе осиротѣлыхъ миссійскихъ школъ... Скорбь христіанъ... Понятно, что совершенно растрепались нервы мои, когда я въ полчаса 12-го ночи вошелъ въ свою комнату... Послѣ 4 час. впервые вошелъ... Думалъ ли я, выходя въ 4 часа, что иду къ умирающему?.. Полагалъ ли, что возвращусь лишь около полночи!.. И... круглымъ сиротой!.. Такъ-то неожиданно складывается и вся наша жизнь... Бодрствуемъ же, да не внидемъ въ напасть; да не постигнетъ и насъ внезапно часъ смертный...

По случаю кончины Высокопр. Николая мною сразу же были посланы телеграммы Высокопреосв. Митрополиту Антонію, оберъ-прокурору Св. Синода В. К. Саблеру, прот. Инженернаго замка въ С.-Петербургѣ Ѳ. Н. Быстрову, товарищу и другу почившаго, и преосв. Василию Можайскому, родственнику почившаго... Телефономъ непосредственно послѣ смерти было извѣщено о печальномъ событіи посольство... А во всѣ провинціальныя церковныя общины посланы извѣстительныя телеграммы... До 3 час. ночи въ мою квартиру входили за распоряженіями относительно похоронъ... И какъ хотѣлось задержать какъ можно дольше сихъ собесѣдниковъ... хотя и по скорбному вопросу!.. Но вотъ въ 3 часа ночи я остался совершенно одинъ... Но... лучше не вспоминать нѣкоторыхъ минутъ... Такъ онѣ тяжелы бываютъ даже при воспоминаніяхъ!..

Не стонетъ уже Владыка... Не дѣлаетъ ему вспрыскиваній сестра... Лишь тихое чтеніе Слова Христова, на служеніе которому Владыка отдалъ всю свою святую жизнь, нарушаетъ

тайнство смерти, столь очевидное у постели еще такъ недавно, всего вчера, оживленно бесѣдовавшаго и составлявшаго планъ на 10-ти-лѣтнюю работу...

На утро всѣ газеты помѣстили замѣтки, посвященныя Высокопреосвященному Архіепископу... Даже газеты, всегда враждебно писавшія о немъ и нашей церкви, на этотъ разъ измѣнили себѣ и печатали панегирики. Многія газеты помѣстили портреты почившаго святителя... А затѣмъ до самаго дня погребенія не прекращались замѣтки относительно паннихидъ, полученныхъ телеграммъ, знаковъ сочувствія, посѣтителей нашей миссіи съ выраженіемъ соболѣзнованія и т. д. Составилась цѣлая литература, которую хотѣлось бы привести и здѣсь. Но лучше на сіе назначить особую статью.

Можно сказать, что 4 февраля вся уже Японія знала о смерти «Никорая». Потекли въ миссію христіане города Тоокёо, выражали свое сочувствіе инославные христіане: англикане, баптисты, методисты, армія спасенія, евангелики, и прочіе многочисленныя протестантскія секты... Но замѣчательно,—ни звукомъ сочувствія не обмолвилась самодовольно въ себѣ замкнувшаяся церковь католическая, хотя и было основаніе отозваться: незадолго передъ тѣмъ умеръ архіепископъ католическій, и отъ нашей церкви было имъ послано сочувствіе. Кто съ поклономъ, а кто съ визитной карточкой спѣшили въ миссію и не принявшіе еще ученія Христова, и не только простые граждане, но и князья, и графы, и виконты, и бароны, министры и неслужилый людъ... Стали спѣшно сѣзжаться въ Тоокёо оо. іереи; испросили позволеніе прибыть наши полунищіе катихизаторы... И не достало силъ отказать имъ въ этомъ разрѣшеніи, хотя это и вызывало миссійскіе расходы: вѣдь всѣ просились на послѣдніе проводы своего духовнаго отца!..

Но вотъ откликнулась и далекая матушка Россія... Чудную телеграмму прислалъ Святѣйшій Синодъ: «Святѣйшій Синодъ, съ глубокою скорбію извѣстясь о кончинѣ Высокопреосвященнаго Николая, поручаетъ Вашему Преосвященству вступить во временное управленіе дѣлами православной духовной миссіи въ Японіи и предать тѣло почившаго святителя честному погребенію со всякимъ благолѣпіемъ. Молитвами преславльшагося ко Господу Архіепископа Николая да ниспошлетъ Господь милость Свою православнымъ японскимъ

христіанамъ въ ихъ тяжелой утратѣ. Митрополитъ Антоній». Такова телеграмма Святѣйшаго Синода... Уже пославшее телеграмму учрежденіе заставляло къ каждому слову отнестись съ особымъ вниманіемъ. Но тѣмъ съ большею признательностью читали православные христіане сію телеграмму, что въ ней нашли отвѣтъ на вопросъ своего сердца... Слова: «молитвами преставльшагося ко Господу Архіепископа Николая» произвели на всѣхъ неотразимое впечатлѣніе... Телеграмма эта, полученная въ 12 час. дня 5 февраля, рѣшила вопросъ о лицѣ, имѣющемъ совершать погребеніе, и дала поэтому возможность съ точностью назначить день погребенія.

Апостоль Алтайя со своими сотрудниками не преминулъ отозваться на нашу скорбь телеграммою же: «Алтайская миссія, начальникъ ея, томскій миссіонерскій комитетъ со мной выражаютъ глубокое сочувствіе вамъ съ миссіей. Молятся объ упокоеніи апостола Японіи Архіепископа Николая. Архіепископъ Макарій»... Русско-Японское общество, чрезъ своего предсѣдателя барона Розена, телеграфировало изъ С.-Петербурга на англійскомъ языкѣ: «Русско-Японское Общество выражаетъ глубокое сожалѣніе по поводу печальной кончины почетнаго члена Архіепископа Николая. Баронъ Розенъ, президентъ»... Телеграфировалъ соболѣзнованіе отъ имени Новгородскаго миссіонерскаго комитета, отъ Владивостока почтой, Высокопреосвященный Архіепископъ Новгородскій Арсеній... Но въ Россіи смерть Архіепископа Николая, видимо, глубоко тронула не одни только верхи общества.. Вотъ, одна изъ благочестивыхъ старицъ, что протелеграфировала: «Завтра переведу двѣ тысячи телеграммой на погребеніе Высокопреосвященнаго Николая. Расходуйте. Глубоко скорблю. Синельникова». Добрая Анастасія Петровна и не подозрѣвала, что она своимъ великодушнымъ порывомъ подтвердила, подкрѣпила то, что съ такою силою всю свою жизнь проповѣдывалъ святитель Николай, именно «твердую, какъ скала, вѣру, непрерывно выливающуюся въ дѣла добрыя»... А какъ отрадно было, что умершій на чужбинѣ святитель легъ все-таки на клочкѣ земли, купленной за средства доброй русской души, и похороненъ въ склепѣ и гробѣ, сооруженномъ на тѣ же средства!.. Широко твое сердце, боголюбивая Матушка-Русь православная!..

Разумѣтся, сразу отозвались и прочіе русскіе, проживающіе въ Японіи. Не говорю уже о посольствѣ въ Тоокіо, бы-

вавшемъ на всѣхъ паннихидахъ, принимавшемъ участіе въ похоронной процессіи; не говорю и о консульствѣ въ Ёкохама... Всѣ положительно резиденты Тоокёо и Ёкохама побывали на какой-нибудь паннихидѣ, и всѣ были на похоронахъ... Прислали свои соболѣзнованія русскіе и изъ другихъ городовъ Японіи. Такъ, консульство Нагасаки телеграфировало: «Прошу принять выраженіе глубокой скорби по поводу кончины обожаемаго всѣми Святителя Николая. Всѣ православные потеряли отца и заступника. Молимся за его упокой. Выводцевъ»... Консульство Хакодате такъ телеграфировало: «Отъ имени своего и консульства, при которомъ нашъ незабвенный Архіепископъ Николай полвѣка назадъ началъ свое великое дѣло, спѣшу выразить вамъ, Владыко, чувства глубокой скорби по поводу кончины дорогого Архипастыря. Траутшольдъ». Агентъ Добровольнаго флота въ Цуруга Н. Д. Федоровъ телеграфировалъ: «Я и остальные русскіе Цуруги просимъ принять увѣреніе въ глубокомъ сочувствіи вашей скорби. Прошу сообщить день похоронъ. Федоровъ»... Немногочисленный рядъ телеграммъ былъ заключенъ телеграммой изъ Москвы: «Братство Святителей Московскихъ въ девятый день кончины новопреставленнаго Архіепископа Николая, соединяется съ японскою церковью въ молитвахъ объ упокоеніи души великаго проповѣдника слова Божія. Скорбимъ объ утратѣ, постигшей японскую церковь и все православное христіанство. Прославляемъ Святителя, апостольскою ревностью потрудившагося во благовѣстіи Христовомъ. И молитвенно взываемъ ко Господу, да утвердитъ и расширитъ Онъ церковь Свою святую среди японскаго народа. Анастасій, епископъ Серпуховскій. Предсѣдатель Совѣта Павелъ Мансуровъ»... Сколько утѣшенія, опять, почерпнула и изъ сей телеграммы православная паства, разсѣянная по разнымъ концамъ Японіи!.. И жаль, что вѣроятно страшныя цѣны за телеграммы (по 1 р. 40 к. за слово) не дали намъ большихъ утѣшеній...

Тѣло Высокопреосвященнаго Архіепископа лежало въ Крестовой Церкви... Въ субботу 4-го февраля утромъ и вечеромъ послѣ всенощнаго бдѣнія, въ воскресенье послѣ Литургіи и вечеромъ, въ понедѣльникъ 6 февраля утромъ и вечеромъ здѣсь были совершены торжественныя паннихиды, всегда въ переполненной церкви. Владыка лежалъ еще не въ гробѣ, ибо гробъ не былъ готовъ. Чудный обычай мнѣ пришлось наблюдать въ эти дни, впервые за время своей службы въ Японіи!..

Извѣстная группа христіанъ, по взаимному соглашенію, приходитъ къ тѣлу почившаго съ вечера, и бодрствуетъ до утра, слушая чтеніе Евангелія. Обычай этотъ есть и въ обычной жизни, при погребеніи знакомыхъ, и называется «чююя»... Трогательно было видѣть старичковъ и старушекъ, въ полу-дремотѣ, но около своего Дай-Сюкёо проводящихъ ночь... Умилительны были матери семействъ, приходившія со своими грудными ребятками, и здѣсь же располагавшимися съ одѣялами... Но мнѣ не забыть одной ночи... Она тѣмъ сильнѣе поразила меня, что была почти неожиданна... Конечно, плохо спалось... Немного нападеть забытье,—очнешься: черезъ стѣну въ церкви читають св. Евангеліе... И съ такою горечью въ который уже разъ почувствуешь, что все это не сонъ, а горькая дѣйствительность... Такъ было и въ эту ночь... Потянуло къ Владыкѣ... Пошелъ... Открываю дверь... И что же?.. Вокругъ тѣла Владыки сидятъ по-японски дѣвочки нашей Женской Миссійской Школы, человѣкъ 40... У всѣхъ въ рукахъ Св. Евангелія и зажженные свѣчи... Всѣ съ благоговѣніемъ въ послѣдній разъ поучаются отъ безмолвнаго Владыки словесамъ Христовымъ... Я обомлѣлъ отъ неожиданности... Заплакалъ... И возвратился домой... Да,—велика и искренна была любовь Владыки къ своимъ христіанамъ, нѣжна была привязанность его къ школамъ... И поняли это христіане... Почувствовали это своимъ сердцемъ ангельскія души воспитанницъ.. Любовь къ своему Владыкѣ привела ихъ на всю ночь раздѣлить съ нимъ безмолвіе смерти!.. Но говорилъ имъ Владыка чрезъ Христово слово...

Во вторникъ, 7 числа, предъ утренней панихидой, положили тѣло почившаго Святителя во гробъ. Гробъ былъ сдѣланъ изъ японскаго кипариса, изъ негниющаго дерева «хиноки»... Употребленъ самый лучший матеріаль... Внутри обложенный ватой, обить бѣлымъ шелкомъ. Снаружи отдѣланъ бѣлымъ шелкомъ и гасами. Но доски употреблены слишкомъ толстыя, и гробъ сдѣланъ и длинный, и широкій, и высокій.. Поэтому, только одинъ гробъ вѣсилъ около 6 пудовъ... По освященіи гроба и переложеніи въ него тѣла Владыки, съ малымъ крестнымъ ходомъ, при перезвонѣ колоколовъ, гробъ былъ перенесенъ въ Воскресенскій соборъ, гдѣ и поставили его посреди церкви, впереди Архіерейской кафедры. . Совершили сразу же панихиду... Вечеромъ въ этотъ же день и днемъ въ среду 8 февраля здѣсь же, у гроба, были совершены панихиды...

Въ это время любовь и усердіе молодыхъ людей создали прекрасный балдахинъ изъ зелени и цвѣтовъ, который не только находился въ соборѣ до погребенія, но и послѣ него былъ перенесенъ на кладбище и тамъ замѣнилъ первый шатеръ надъ могилой Владыки...

Немало хлопотъ было съ вопросомъ о кладбищѣ... Первоначально христіане предполагали купить большой участокъ на кладбищѣ въ Зоосиая, что-то около 600 кв. саж. На этотъ участокъ было дано согласіе мною въ виду того, что въ будущемъ около могилы Святителя Божія можно бы широко развить и просвѣтительное и благотворительное дѣло... Однако, постепенно на этотъ участокъ цѣну подняли такъ, что пришлось отъ него отказаться... Отвергнувъ прочія возможности, я предложилъ осуществить волю Владыки и похоронить его въ Янака... Но здѣсь не нашлось ни одного непроданнаго участка... Пришлось искать участокъ по сосѣдству на городской землѣ... Нашли... Пришлось отъ М. Вн. Дѣль просить разрѣшенія городу продать этотъ участокъ намъ... Разрѣшеніе получили... Городъ участокъ продалъ... Но онъ еще не въ чертѣ кладбища... Опять пришлось обращаться къ М. Вн. Дѣль за разрѣшеніемъ нашъ участокъ включить въ кладбищенскій... Разрѣшили... Только тогда можно было приступить къ устройству склепа...

Участокъ, купленный нами въ Янака на средства А. П. Синельниковой, небольшой... Но онъ вполне достаточный для того, чтобы на немъ построить церковь формы корабля... Размѣръ его 4¹/₂ саж. на 7¹/₂ саж. *Имѣя въ виду со временемъ непремѣнно устроить надъ могилой Владыки церковь*, и склепъ я устроилъ такъ, что бы онъ приходился какъ разъ на срединѣ будущей церкви... Отъ поверхности земли до верха склепа 5 футовъ... Снявъ землю на такую глубину, и устроивъ полъ церкви на одномъ уровнѣ съ верхомъ склепа, мы имѣли бы возможность малымъ чѣмъ быть отдѣленными отъ Владыки, и надъ его могилой возжечь и неугасимую лампаду, и установить неугасимый Псалтирь... Но это только *внизу*, въ церкви Святителя Николая Мирликійскаго Чудотворца... Но мнѣ хотѣлось бы построить еще церковь и *вверху*: вѣдь не покупать въ этомъ направленіи мѣсто!.. И эта церковь, съ массой оконъ, съ открытымъ куполомъ, расписанная картинами изъ жизни Христа Спасителя, была бы тѣмъ мѣстомъ, гдѣ непрестанно, какъ бы изъ гроба почившаго святителя,

возвѣщалось міру спасеніе, дарованное чрезъ Крестъ и Гробъ Христовы, но Воскресеніемъ... И сія церковь должна быть Воскресенскою... Такъ представлялось, и представляется мнѣ дѣло постройки храма на могилѣ Высокопреосвященнаго Архіепископа Николая...

Разумѣтся, какъ бы было прекрасно, если бы Владыка могъ быть похороненъ въ созданномъ имъ соборѣ... Но мы живемъ въ странѣ, гдѣ внутри большихъ городовъ не разрѣшается погребать рѣшительно никого, и гдѣ самихъ Императоровъ погребаютъ за городомъ, а по просту часто на открытомъ полѣ... Впрочемъ, не только нами были произведены соотвѣтствующія ходатайства, но просило о семъ и Россійское Императорское Посольство... Но нарушить законы не представилось удобнымъ... А сказать правду,—для Мисси это было бы пожалуй и опаснымъ...

Склепъ сдѣланъ изъ толстаго гранита, на цементѣ... Въ склепъ поставленъ ящикъ, сдѣланный точно также изъ японскаго кипариса, или «хиноки». Пространство между стѣнками склепа и ящикомъ засыпано углемъ... Для опусканія гроба устроено приспособленіе съ блоками на цѣпяхъ... Всѣ эти работы въ среду 8 февраля были закончены, и погребеніе поэтому могло состояться безъ откладыванія, чего можно было опасаться по позднему началу работъ... Впрочемъ, работали и по ночамъ...

Наканунѣ погребенія, въ среду, 8 февраля, былъ совершенъ Парастасъ, а за нимъ мною для прибывшихъ русскихъ паннихида на славянскомъ языкѣ, а послѣ сего начались паннихиды, кои служились группами іереевъ, по просьбѣ прибывшихъ изъ провинціи христіанъ, и служились всю ночь... Всю ночь у гроба провели (чююя) на этотъ разъ катихизаторы.

VI.

9 февраля, въ четвергъ, было совершено погребеніе Высокопреосвященнаго Николая, Архіепископа Японскаго...

Въ 5 час. утра, въ придѣлѣ св. Апостоловъ Петра и Павла, совершена Литургія соборнѣ 5 іереями-японцами, при діаконѣ японцѣ; пѣла группа катихизаторовъ. Въ 7 часъ утра въ Крестовой церкви совершилъ Литургію протоіерей посольской церкви П. И. Булгаковъ, въ сослуженіи двухъ іереевъ-японцевъ (за тѣсною церкви только 2), при діаконѣ Д. К. Львов-

скомъ, при пѣніи русскихъ воспитанниковъ духовной семинаріи. Въ 7 же час. утра въ соборѣ, въ главномъ придѣлѣ Воскресенія Христова, совершена Литургія мною въ сослуженіи Начальника Корейской Духовной Миссіи Архимандрита Павла и 9 іереевъ-японцевъ, при пѣніи Миссійскихъ школь... Непосредственно за окончаніемъ архіерейской Литургіи начата была Литургія въ правомъ придѣлѣ Введенія во храмъ Пресвятыя Богородицы, совершенная также соборнѣ 5 іереями-японцами, при одномъ діакопѣ, пѣли катихизаторы... Такимъ образомъ Литургіи объ упокоеніи души новопреставленнаго Архіепископа Николая совершались на всѣхъ четырехъ Престолахъ, начиная съ 5 час. утра до 10^{1/2} час. дня...

По окончаніи архіерейской Литургіи было предложено собравшимся христіанамъ прощаться съ Владыкою... Непрерывною лентою тянулись сначала школы наши, а за ними христіане-японцы, русскіе, иностранцы... Прощаніе продолжалось до начала чина отпѣванія, т. е. до 11 час. утра... Погода хмурилась... Нѣтъ-нѣтъ,—и перепалъ дождикъ... Но во время отпѣванія поднялся вѣтеръ, силы тайфуна... И хотя онъ весьма препятствовалъ процессіи, но дождя все же не было...

Подъѣзжаютъ къ Миссіи кареты,—это съѣзжаются послы, министры, знатные люди... Верхами на коняхъ пріѣхало нѣсколько генераловъ... Миссійскій дворъ переполненъ народомъ... Не говорю уже о соборѣ... Полнехонько и на прилегающихъ улицахъ... Ровно въ 11 час. начался перезвонъ всѣхъ колоколовъ, непрерывно продолжавшійся 2 часа, во время отпѣванія... Ровно въ 11 час. я вышелъ на отпѣваніе, имѣя въ сослуженіи архимандрита о. Павла, протоіерея П. И. Булгакова и 32 японскихъ іерея, при 5 діаконахъ... Епископъ англиканской церкви Мак-Кимъ и другіе представители инославныхъ церквей стояли на правомъ клиросѣ и внизу его... Епископъ англійскій Сесиль, къ сожалѣнію, былъ въ отлучкѣ, на островахъ Огасавара-дзима... Католики, конечно, отсутствовали...

Изъ знатныхъ лицъ къ отпѣванію лично пожаловали: посоль великобританскій (старшина дипломатическаго корпуса), посоль итальянскій, посоль американскій, представитель посла французскаго—драгоманъ посольства, съ другими чинами; много чиновъ и офицеровъ англійскаго посольства... За отсутствіемъ Россійскаго посла Н. А. Малевскаго-Малевичъ, находившагося въ отпускѣ въ Россіи, и за болѣзнь повѣреннаго въ дѣлахъ совѣтника посольства А. Н. Броневскаго, Россію представ-

лялъ первый секретарь посольства А. И. Щербацкой... Разумѣется, пожаловали и всѣ прочіе чины посольства, консульства въ Ёкохама, военные агенты, прикомандированные офицеры, русская колонія въ полномъ составѣ.

Изъ знатныхъ японцевъ лично явились къ отпѣванію Мин. Вн. Дѣль Хара, Мин. Пут. С. Хаяси, Мин. Нар. Просв. Ха-себа, Тов. Мин. Ин. Дѣль Исии (нынѣ посолъ въ Парижѣ), генералы Танака, Хонго, Мурата, Акіама, нагасакскій губернаторъ Андо и др.

Министръ-премьеръ Саюндзи, Мин. Иност. Дѣль Уцида, его тов. баронъ Исии, Намѣстникъ Кореи графъ Терауци, баронъ Готоо, маркизъ Сайго возложили вѣнки...

Но еще большее количество знатныхъ японцевъ прислало своихъ представителей съ визитными карточками...

Вѣнокъ отъ Россійскаго Посольства былъ возложенъ первымъ изъ всѣхъ... Были вѣнки и отъ инославныхъ миссіонеровъ...

Предъ самымъ отпѣваніемъ, черезъ своего придворнаго прислалъ вѣнокъ изъ живыхъ цвѣтовъ Почетный Президентъ Русско-Японскаго Общества Импер. Принцъ Кан-Инъ...

Но верхомъ почета, какое воздала Японія Владыкѣ Архіепископу Николаю, было то, что Самъ *Императоръ* Японіи, нынѣ уже почившій, *Меидзи-Тенноо* прислалъ на гробъ Владыки великолѣпный и громадный вѣнокъ изъ живыхъ цвѣтовъ. И прислалъ не секретно!.. Въ условленный часъ, черезъ пол-часа по началѣ отпѣванія, прибылъ придворный чиновникъ съ вѣнкомъ... На уготовленномъ мѣстѣ, на коврѣ его встрѣтили А. И. Щербацкой, представитель Россіи, и я, представитель православной японской общины... Принявъ вѣнокъ и отвѣтивъ на слова передачи благодарностью, мы возложили вѣнокъ къ возглавію Святителя... Самъ *Императоръ* Японіи увѣнчалъ побѣдными цвѣтами главу Святителя Божія!.. Внутри вѣнка два іероглифа: «*Он-Си*», т. е. *Высочайшій даръ*... И всѣ японцы сіи два іероглифа видѣли, читали, и благоговѣйно предъ вѣнкомъ склоняли свои головы!..

Начавъ при смертныхъ опасностяхъ, закончилъ свою дѣятельность въ Японіи Владыка Николай при одобреніи съ высоты *Трона*...

Отпѣваніе совершалось по-японски. Но нѣкоторыя эктении произносились и аллилуаріи и молитвы читались мною, о. Архим. Павломъ и Прот. П. И. Булгаковымъ по-славянски...

Въ 2 часа чинъ отпѣванія окончился.. Последнее прощаніе священнослужителей, инославныхъ представителей, нѣкоторыхъ изъ знатныхъ лицъ... И гробовая крышка на вѣки сокрыла отъ насъ нашего дорогого Святителя...

При начавшемся трезвонѣ обнесли гробъ вокругъ собора, установили его на колесницу, и выстроивъ процессію по выработанному церемоніалу ¹⁾, отправились до кладбища Янака.. Рветъ неистово хоругви наши вѣтеръ... Пришлось ихъ нести въ опущенномъ положеніи... Идутъ воспитанницы, воспитанники... Всѣ въ однообразныхъ костюмахъ... У всѣхъ въ рукахъ пальмовыя вѣтви,—«символь вѣры въ побѣду дѣла Владыки въ Японіи»... Многочисленные цвѣты... Сотни вѣнковъ... Св. иконы, кресты... Іерея, діаконы въ священныхъ облаченіяхъ... Многіе катихизаторы въ стихаряхъ... Въ полномъ облаченіи, съ посохомъ въ рукахъ, епископъ... Ордена Владыки... Всѣ

¹⁾ Церемоніаль погребальной процессіи Высокопреосв. Архіепископа Николая: 1. Фонарь... Катих. Абе. 2. Хоругви... Катих. Ино и Индзука. 3. Хоръ воспитавницъ и воспитанниковъ, съ пальмовыми вѣтвями въ рукахъ. 4. Орденъ св. Анны 1-й ст.: свящ. Косіама. 5. Орденъ св. Владимира 2-й ст.: свящ. Есида. 6. Орденъ св. Александра Невскаго: свящ. Накадзима. 7. Орденъ св. Александра Невскаго съ брилліантами: свящ. Касай. 8. Орденъ св. Владимира 1-й ст.: свящ. Уцида. 9. Хоръ воспитавницъ и воспитанниковъ, съ пальмовыми вѣтвями въ рукахъ (вторая половина). 10. Запрестольный Крестъ: діак. Сасаки. 11. Запрестольная икона: діак. Исида. 12. Напрестольное Евангеліе: священники Морита и Такаи. 13. Напрестольный Крестъ: прот. П. И. Булгаковъ. 14. Хоругви: катих. Моги и Оокава. 15. Вѣнки, несомые представителями христіанъ и катихизаторами. 16. Четыре катихизатора въ стихаряхъ, старѣйшіе. 17. Іереи, не названные выше и ниже, младшіе впереди, въ облаченіяхъ. 18. Епископъ Сергій, въ полномъ облаченіи, съ посохомъ. 19. Протодіаконъ Д: К. Львовскій и посошникъ Епископа. 20. Посохъ почившаго Владыки: катих. Кагета. 21. Лампадчикъ, кат. Усуй. 22. Клобукъ почившаго: свящ. Ямагаки. 23. Малый омофоръ: свящ. Циба. 24. Крестъ почившаго: свящ. Метoki. 25. Панагія почившаго: прот. Сим. Мій. 26. Митра почившаго: свящ. Фукуй. 27. Икона Божіей Матери Смоленской: свящ. Судзуки. 28. Напрестольный Крестъ большой: Архимандритъ о. Павель. 29. Вѣнокъ Японскаго Императора. 30. Діаконы Такахаси и Кано съ кадилами. 31. Иподіаконы Узава и Сайтоо съ рипидами. 32. Колесница съ гробомъ почившаго Святителя, везомая 4 лошадьми. 33. По сторонамъ гроба дежурство изъ воспитанниковъ семинаріи, японцевъ и русскихъ. 34. Иподіаконы Исида и Совада съ дикриемъ и трикриемъ. 35. Представитель Россіи, секретарь посольства А. И. Щербадкой. 36. Чины посольства, консульства, члены Русской колоніи, представители инославныхъ церквей. 37. Представители церковныхъ общинъ. 38. Христіане, христіанки, и всѣ прочіе, провожавшіе Владыку до могилы.

принадлежности архіерейскаго сана, носившіяся Владыкою... Въ заключеніе колесница съ дорогимъ гробомъ, представитель Россіи въ шитомъ золотомъ придворномъ мундирѣ... И лента, безконечная лента христіань!..

Нужно ли говорить, какое подавляющее впечатлѣніе вся эта процессія производила на зрителей!.. А снѣ во все время пути стояли шпалерами на улицахъ. И считать ихъ нужно не тысячами и десятками тысячъ, но непременно сотнями тысячъ!.. Были сцены, трогательныя до слезъ... Вотъ идемъ мимо Женскаго Учительскаго Института... Тысяча дѣвицъ выстроена вдоль дороги... Проходить процессія,—благоговѣйное вниманіе... Вѣнокъ Императора... Глубокій поклонъ... Колесница съ гробомъ... До пояса поклонъ... И это не одна только школа!.. Всѣ школы, расположенныя при пути слѣдованія процессія, и мужскія и женскія, выстраивались длинной шеренгой и провожали процессію не только любопытствомъ, но и глубокимъ почтительнымъ поклономъ...

Вѣнокъ Императора Японіи несли преподаватели семинаріи, а роскошныя ленты его придерживали во все время слѣдованія процессія младшіе чины нашего посольства въ парадныхъ мундирахъ...

Въ 3^{1/2} часа по полудни процессія прибыла на кладбище... Гробъ поставили надъ могилой... Совершили послѣднюю литію, и при пѣніи «Вѣчная память» опустили гробъ въ могилу... Закрыли ящикъ кипарисовой крышкой, привинтили винтами; и опять засыпали углемъ... Затѣмъ начали опускать на блокахъ же громадныя плиты гранита,—крышу склепа... Въ это время религіозная часть процессія ушла въ сосѣднюю гостиницу, гдѣ и разоблачились всѣ участники процессія... Къ вечеру могила была сдѣлана уже совершенно, и на бывшемъ пустомъ мѣстѣ насажены камеліи, кипарисы, пальмы, клены и др. растенія,—даръ отдѣльныхъ лицъ и организацій...

Между Литургіей и отпѣваніемъ христіанамъ роздано 1.000 японскихъ обѣдовъ, такъ называемыхъ бентоо. За каждое бентоо заплачено по 20 сенъ... Эти 200 енъ уплочены изъ жертвы А. П. Синельковой...

А для язычниковъ на ту же жертву было заказано 2.000 прекрасныхъ хлѣбовъ, въ особыхъ коробкахъ, съ памятнымъ надписями... Каждый хлѣбъ съ коробкой обошелся въ 10 сенъ... Всѣ язычники, посѣтители собора, въ первыя двѣ недѣли послѣ погребенія Владыки, получали себѣ на память по сему хлѣбу...

А какъ были благодарны и растроганы, можно судить по письмамъ, иногда приходившимъ изъ далекой провинціи!.. И хотя бы по одной фотографіи... Ея происхожденіе такое... Язычникъ, получившій хлѣбъ, такъ былъ растроганъ, что долго не рѣшался сѣсть его... Въ концѣ надумалъ: свялъ съ хлѣба фотографію... Себѣ оставилъ одну, мнѣ съ благодарностью прислалъ другую... И только тогда рѣшился сѣсть подаренный хлѣбъ!..

Да, много здѣсь можно посѣять добра!.. И не знаешь, когда и какимъ путемъ сѣется оно!.. Но несомнѣнно одно, что Владыка Архіепископъ Николай въ своей немощи изъ гроба проповѣдывалъ много сильнѣе, чѣмъ когда либо при своей жизни... И вся процессія среди сотенъ тысячъ язычниковъ была самымъ блестящимъ проповѣдническимъ собраніемъ, какое когда либо приходилось ему устроить...

Еще 5 часамъ вечера я возвратился въ Миссію... Одиночество было бы сегодня ужаснымъ... Но Богъ послалъ намъ изъ Кореи о. Архимандрита Павла, котораго любилъ Владыка и который почиталъ Владыку... Съ родной душой чувствовалось куда легче...

А на улицѣ стоналъ вѣтеръ... Начался дождь, и крупныя капли его били въ стекла...

Такъ совершилось погребеніе Высокопреосвященнаго Николая, Архіепископа Японскаго... «Будетъ ли Архіепископъ Николай *святимъ*»? — спрашиваетъ меня протестантъ проф. Мидзуно... «Я вѣрю, что онъ съ минуты своей смерти уже предстательствуетъ за насъ съ вами предъ престоломъ Вседержителя», — отвѣтилъ я... *Профессоръ — протестантъ заплакалъ... Заплакалъ слезами радости*, ибо я на его думу отвѣтилъ...

Съ глубокою вѣрою, что равноапостольный въ подвигѣ будетъ равноапостольнымъ и въ воздаяніи, отъ сердца смиреннаго воззовемъ: «Святителю Божій, предстательствуй за насъ въ твоихъ молитвахъ святыхъ»!...

Епископъ Сергій.